

Камиль Зиганшин

**ХОЖДЕНИЕ
К СТУДЕНОМУ
МОРЮ**

Камиль Зиганшин
Хождение к Студеному морю

издательство «Китап»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2 Рос)-4

Зиганшин К. Ф.

Хождение к Студеному морю / К. Ф. Зиганшин — издательство
«Китап», 2020

ISBN 978-5-295-07473-8

В этой книге вы пройдете с главным героем Корнеем от Алдана до Ледовитого океана и Чукотского Носа. Повстречаетесь с потомками русских землепроходцев, коренными жителями Крайнего Севера: эвенками, юкагирами, якутами, чукчами.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2 Рос)-4

ISBN 978-5-295-07473-8

© Зиганшин К. Ф., 2020
© издательство «Китап», 2020

Содержание

Хождение к студеному морю	7
От автора	7
Пролог	8
Сплав по Алдану	29
Устье Алдана. Якуты	43
Лена. «Арктика» в плену. Зимовка	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Камиль Зиганшин

Хождение к Студеному морю

© Зиганшин К. Ф., 2020

© Чушкин А. Э., дизайн, 2020

© ГУП РБ БИ «Китап» им. Зайнаб Бишевой, оформление, 2020

Камиль Зиганшин (1950) – писатель, путешественник, заслуженный работник культуры РФ и РБ, лауреат премии Президента в области литературы и искусства за произведения для

детей и юношества (2019), Большой литературной премии России (2016), Государственной премии РБ имени Салавата Юлаева (2012) и др. В своих книгах с большой любовью и знанием рассказывает о жизни старообрядцев, хоронящихся в дебрях Восточно-Сибирской тайги, об укладе жизни коренных жителей этих мест, повадках диких животных. Богатый жизненный опыт и наблюдательность помогают ему писать достоверно и поэтично.

Хождение к студеному морю

От автора

Любезный читатель! Вы держите в руках книгу, фактически являющуюся продолжением летописи о старообрядцах. Из первых двух («Скитники» и «Золото Алдана») вы узнали о жизни общины, зародившейся в Ветлужских лесах во второй половине XIX века, одолевшей трудный путь через Сибирь и обосновавшейся в Забайкальском крае, а затем оттесненной в глушь Алданского нагорья и там хоронящейся по сию пору. Параллельно с историей общины, в этих романах рассказывается о последнем походе Белой гвардии – армии генерала Пепеляева и судьбе отряда белогвардейцев, укрывшегося неподалеку от скита старообрядцев.

Погружаясь в мир староверия, понимаешь, что у этих сильных духом людей можно поучиться способности преодолевать трудности, находить счастье и радость там, где другие не видят ничего, кроме проблем. А еще, и это, пожалуй, главное, способности быть благодарным Создателю за каждый прожитый день.

Пролог

Сомнение – гибель, вера – жизнь.
Дж. Байрон

Дарья, глянув в окно, мимо которого прошли две девицы, задумалась.

– Чего загрустила, матушка? – обнял ее за плечи гостивший в скиту настоятель монастыря Изосим.

– Эх, сынок! Ума не приложу, что делать. Где женихов искать? Пять девиц на выданье, а парней, отвечающих Правилу, нет. Либо кровники, либо родственники по кресту¹. И сестра твоя, Елена, тоже в девках, а ей уж за двадцать перевалило. Паша в бобылях ходит, а ты обет дал. Похоже, так и помру без внуков... Может, что присоветуешь?

– Есть одна мысль – надо с китаец поговорить.

– Что еще за китаец? – сразу насторожилась Дарья.

– Да захаживает к нам один из Маньчжурии. Прежде золотарил в наших краях, а когда иностранцам запретили мыть рыжуху² и стали жестко преследовать, переключился на контрабанду. С весны до осени успевает сделать на лошадях по тайным тропам четыре ходки. Захаживает и к нам. Мы ему золотишко, кабарожью струю, пушнину, а он боеприпасы, мануфактуру, соль, сахар.

– Так чем тот китаец в нашем деле может помочь?

– Он как-то обмолвился, что еще к каким-то бородачам товар возит. Даже ворчал: «Да сто з такое! Как борода так „не мзно да не мзно“» – изобразил он торговца. – Сдается мне, что это он про наших одноверцев говорил. Ежели мое предположение подтвердится, отправлю к тебе.

Когда китаец с навьюченными товаром лошадьми явился в монастырь, Изосим сразу спустился к нему:

– Ван, ты как-то обмолвился, что еще к каким-то бородачам ходишь. Кто они?

– Бородачи как бородачи. Такие зе, как и вы, русские с веревочками.

– Можешь помочь с ними связь установить.

– Бумагу пиши. Передам.

В следующий визит Ван привез ответ. В нем сообщалось, что они беспоповцы и тоже испытывают нужду в невестах и женихах.

Изосим на следующий день с одним из трудников отправил китаец в скит к матери. (Ван, рассчитывая на новых покупателей, согласился без колебаний.)

Обрадованная Дарья ответным письмом пригласила тамошнего наставника с молодыми на смотрины, а Вану вручила длинный список потребных общине товаров.

На Преображение Господне китаец явился в скит со старообрядцами из неведомой Маньчжурии. Матвей, открывший ворота, попросил Вана подождать, а одноверцев повел в избу Дарьи. Та распорядилась призвать билом народ на меновую торговлю, а сама занялась гостями.

Уставщик, сероглазый, коренастый бородач лет пятидесяти, с темно-русой шевелюрой и такими большими ручищами, что, словно стесняясь, он то складывал их на груди, то прятал за спину. От всей его крепко скроенной фигуры веяло надежностью и спокойствием. С ним трое парней. Войдя, гости разом стянули картузы из сводедельщины и низко поклонились. После чего, повернувшись к образам, сотворили молитву и перекрестились.

¹ Помимо запрета на брак между родственниками до седьмого колена, следовало соблюдать еще и запрет на брак для родственников по кресту. Так, сыну крестной и ее крестнице тоже нельзя жениться. По этой причине в крестные старались брать кого-либо из кровной родни.

² *Рыжуха* – золотой песок.

– Доброго здоровья на многие лета, матушка! Иван Федорович Кулагин, – прогудел он. – А это наши женихи: мои сыновья Харитон, Назар, и соседский – Устин.

– Спаси Христос! Благодарствую, что столь споро откликнулись на приглашение!

– Так ведь и у нас интерес имеется.

Заметив, что Дарья с недоумением поглядывает на узкоглазого Устина, пояснил:

– Мать у него китаянка. Но она прошла переправу. Сам Устин крещен по Правилу, с троекратным полным погружением.

– Каков обличьем – не столь важно. Главное, чтоб в нашей вере был. Мне ближе крещеный китаец, чем некрещеный русский.

– Истину молвите, матушка. Примите от нас скромный, но пользительный для души дар – книги, своеручной работы³. Одна певческая, еще до Никоновой sprawy писана, а вторая святителя Епифана.

– Спаси Христос, Иван Федорович! Мы с книгами дружим. Сами знаете, сколь важны православному эти мудрые советчики. При усердии в них можно найти ответы на любые вопросы.

– То верно. Умная, добрая книга завсегда побуждает к размышлению, дает примеры благочестивой жизни.

– С дороги, поди, устали? – спохватилась Дарья.

– Есть чуток. Путь не близкий, да и тропы малохоженные.

– Паша, будь ласков, проводи гостей на серный источник.

– А далеко ль до него? – забеспокоился уставщик.

– Недалече. С полверсты, но очень советую. Не пожалеете. Бывает, так уломаешься за день, что ноги не держат, а окунешься – такая легкость и благодать, кажется, полетела бы как птица.

Через час посвежевших путников усадили за стол. За трапезой хозяйка полюбопытствовала:

– Иван Федорович, ну и как вам наш источник?

– Спаси Христос! И в самом деле, словно заново родился, – ответил тот, улыбнувшись.

– Рада, что удовлетворены... В Китай-то каким ветром общину занесло?

– Ежели начать с истоков, то предки наши с Речи Посполитой. Когда по указу Екатерины прошла вторая выгонка, осели в Забайкалье в Верхнеудинском округе. Пришли туда в 1764 году. То я достоверно знаю из исповедных росписей.

Жилось там вольготно и покойно, пока не понаехали переселенцы с Малороссии. Оне разврат принесли, ругань, ссоры. Мы, дабы оградиться от них и избежать самовыселения с насиженного места, составили на сходе приговоры о недопущении чужаков. Поспокойней стало. Но явилась другая беда: началась коллективизация и притеснение со стороны власти. Пришлось, хоть и горько было, оставлять дома и возделанные пашни. Всею общиной подались в Северный Китай – Маньчжурию.

Добрались без людских потерь, но волосы с той дороги у многих сделались белыя. Половина лошадей пала, оставшиеся выбились из тела. Два года терпели крайнее затруднение, особливо с провиантом.

– Чего ж вы на чужбину, на такие мучения ушли. Ведь и в Сибири потайных мест в достатке.

³ Несмотря на периодические усиления гонений со стороны официальной церкви и властей, старообрядческая книжность с момента раскола интенсивно пополнялась вновь издаваемыми печатными и рукописными памятниками. Круг необходимых и четких книг имелся в каждой семье и передавался из поколения в поколение.

– Пытались. Две семьи с годик пожили было на Лене, да вертались – вельми хладный край сказали. А тем, кто в Маньчжурию разведать ходили, тамошний край глянулся. Говорили, красовитей места не найти: тепло, земля жирная.

Днесь не бедствуем, на ноги крепко встали. По первости тамошние семейские⁴ нас порядочно поддержали, а позже – японцы разный инвентарь дали – в те годы оне в Маньчжурии властвовали. Имели задумку переселить со своих островов пять миллионов крестьян, а опыта возделывания непривычной для них маньчжурской землицы не было. Когда началась война, хотели забросить нас в Россию диверсантами, но мы отказались. Хоть и не любы Советы, идти супротив своих грех.

В сорок пятом встречали Красную Армию цветами, радовались и гордились – победили и германца, и японца. Радовались, пока не познакомились со СМЕРШем. Оне нам: «Кулаки, беглецы! Эва, как живут!» Арестовали пятерых. Незаконно-де границу перешли в тридцатых годах... С тех пор о них ни слуху, ни духу. Куды кто делся, не ведомо.

После того нас несколько лет никто не трогал. Мы успокоились. Думали, поживем! Но в сорок девятом явилась напасть с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам объявили: «Ваше проживание нежелательно, уезжайте». Кудыть уезжать? Баят, кудыть хотите. Хоть домой, хоть в Боливию, хоть в Бразилию, хоть в Парагвай – оне, мол, согласны принять. Каково русскому бородачу ехать в какой-то неведомый Парагвай?! Голову сломали – как быть?

Приезжали советские консулы. Агитировали вернуться на родину, осваивать целинные земли. Может, хто и соглашался, но мы на сходе решили: чиво это в Советы через стока лет вертаться – не для того бежали от колхозов. Не стали дожидаться, когда начнут насильно вывозить. Погрузили самое необходимое на телеги, и ушли в глубь Большого Хингана – горы такие. Семейские следом подались. Сичас оне на соседнем ключе живут. Там нас никто не беспокоит. Отстроились. Охота и рыбалка кормят. Изюбра на панты бьем. Ишо наладились тигрят для богатого китайца ловить. Он за них стока платит, што ежели двух взять, то можно год безбедно жить.

– Поди, опасное дело?

– По первости всяко бывало. Опосля наловчились. Перво-наперво мать выстрелами от тигренка отгоним. А как собаки его в круг зажмут, тут не зевай – одеяло накидывай и лапы вяжи.

– Страх какой! – ужаснулась Дарья.

– Мы ж не взрослых. Тех не взять...

Иван Федорович, велика ли ваша община?

– На двадцать пять дымов сто шестьдесят семь душ.

– А кроме тигров какой еще зверь в вашем Хингане водится? – встрял свекор Дарьи – дед Елисей.

– Много хто. Зайцев и рябцов не считаю. Из крупного – изюбр, лось, пятнистый олень, горалы. Медведь, конечно. Даже красные волки заходят. Леопарды, сказывают, есть. Правда, мы не встречали. Боле всего кабанов. О! чуть не забыл – гималайский медведь имеется, его ишо древесным, за то што любит по деревьям лазать, величают. Его тоже хватает. Многочисленны еноты. Я их в паводок десятками на островах снимал. Потешные и жирные, будто бочонки. Само собой, всякое пушное зверье. Из редких – непальская куница – харза.

Во время вечернего богослужения «китайцы» порадовали хозяев проникновенным, слитным песнопением по крюковым знакам.

⁴ Семейские — так называли десятки тысяч старообрядцев-беспоповцев, переселенных в три этапа в XVIII веке из Речи Посполитой (Гомельской области) за Байкал. Эта «выгонка» осуществлялась с целью защиты восточных границ России от посягательств Пинской империи. Они привнесли в этот край высокую культуру земледелия.

- Баско у вас получается, до самого сердца проняли, – похвалила Дарья.
- А нам отраднo, что служба у вас по чину, – отозвался Иван Федорович.

– Как исстари апостолами и Вселенскими соборами установлено, так и исповедуем. Не можем отступить от отеческих правил, – улыбнулась Дарья.

Изредка поглядывая на уставщика, она поймала себя на мысли, что он глянется ей и как мужчина. Видела, что и она ему нравится. (Женщины чувствуют и понимают такие вещи без слов.) Ей, конечно, было приятно, что в свои года сохранила привлекательность, но в то же время стыдилась и осуждала себя за бабий интерес к гостю. Даже невольно подумала: может, была слишком строга к Корнею? Жили-то душа в душу... От нахлынувших воспоминаний сердце защемило. Дарья вдруг поняла, что до сих пор любит мужа...

Елену, как она и предполагала, сосватал Харитон – сын уставщика. (На смотринах на нее только и глядел.) Любу, дочь Матвея, – чернявый племянник Устин. А вот Назар невесту по душе не нашел – ему тоже сразуглянулась Елена, но он не отважился соперничать со старшим братом. Расстроенный, не стал даже ни к кому присматриваться. Иван Федорович, видя, что Дарья озабочена, успокоил:

- Теперь дорогу знаем, не раз придем, ребята у нас еще есть.

После рукобития наставники обручили молодых по уставу.

«Аз тя посягаю жену мою Елену» – торжественно, не сводя восторженных глаз с избранницы, произнес Харитон. Она отвечала: – «Аз тя посягаю мужа раба Божьего Харитона». Так они повторили три раза. То же самое произнесли Устин с Любашей.

Дарья, с трудом сдерживая слезы, взяла икону и подошла к молодым: «Благословляю вас, чадо наши, ликом Господним на честный брак, телу на здравие, душам на спасение. Помните, там, где любовь, – там Бог, где совет – там свет, без совету, без любви в доме стены пусты». После этого Иван Федорович с чувством прочитал «Поучение новобрачным».

Молодухам заплели волосы в две косы и надели шашмуру – головной убор замужней женщины. А они повязали мужьям собственноручно тканые пояски. На Еленином было вышито «Люблю сердечно, дарю навечно».

По завершении обряда молодожены, трижды поклонившись родителям, пригласили всех к свадебному столу. Прочитав хором молитву, приступили к трапезе, во время которой гости по очереди вручали поклоны – подарки.

Первыми подошли Еленины дед с бабкой. Елисей вручил парням сшитые им самим поняги⁵ из кожи, а Ольга, молвив молодым: «Мужа послушаться – Бога оскорбить», накинула каждой на плечи по вязаному платку. Подходили по старшинству, одаривая молодых, и все остальные.

Трапезничали поначалу безмолвно, но ядреная брага свое взяла. Потихоньку расшевелились, разговорились, запели песни. Матвей с супругницей Глафирой пустились в пляс. Да с таким задором, что и остальные присоединились. Захмелевшая Дарья тоже вышла в круг: пусть маньчжурцы знают, что варлаамовцы умеют веселиться. Молодые же сидели чинно, брагу не пили.

Гуляли, бражничали, похмелялись три дня. Прощание было грустным. Мать Любаши рыдала в голос. Да и Дарья из последних сил держалась. Лишь напоследок, уже у ворот всплакнула. Обняла молодых, смахнула слезу: «Свидимся ли когда, дитятко мое ненаглядное!? – и, обращаясь к зятю, добавила: – Береги, не обижай мою дочурку. Будешь холить, лелеять – будешь как сыр в масле кататься».

Иван Федорович был доволен: ему после брачной ночи доложили, что невесты непорочны.

⁵ *Поняга* — сибирский аналог рюкзака. Предназначена для переноса утвари и припасов.

С молодыми в маньчжурский скит отправились Паша и трое ребят из пещерников. Павел долго упирался, отговаривался – привык холостяковать, но мать настояла: невестка ей нужна была теперь до крайности. Выдав Елену, она осталась без помощницы. Свекровь уже не в счет: едва по дому ходит.

– Паша, ты там больно не привередничай. Главное чтобы добрая была да работающая. Гляди не лицо, гляди сердце. Красота ведь до венца, а ум и душа – до конца, – напутствовала она сына.

По дороге завернули в монастырь. Там и переночевали. Корней благословил дочь, а с сыном разговора не получилось – тот все время молчал, отвечал односложно: так и не смог простить обиды безотцовщины. Корней и не обижался. Понимал, как разрубленную веревку ни связывай, узел все равно остается.

Через месяц варлаамовцы вернулись в удвоенном составе. Дарья лишь только глянула на выбор сына, так и расцвела. До того пригожа была Катюша: милая, ласковая. А со временем убедилась, что и в делах она расторопна и умела.

Жизнь в скиту текла по незыблемому распорядку. Сотворив утреннюю молитву, каждый испрашивал у родителей, а при их отсутствии – у старших по возрасту благословение на предстоящие дела. Лишь после этого принимались за работу. День завершали вечерним правилом. Благодаря мудрости и душевному теплу Дарьи в общине царила атмосфера любви и взаимовыручки.

Что удивительно, несмотря на строгий распорядок и тяжелый труд, люди в этой глухомани не утратили тягу к красоте. Старались не только опрятно и со вкусом одеваться, но из года в год прихорашивали свои отстроенные после пожара жилища.

Окна обрамляли, каждый на свой лад, затейливыми наличниками со сквозной резьбой. Ставни расписывали узорчатыми росписями. Стены разрисовывали порхающими среди деревьев птицами, цветами, завитками и непременно единорогом – символом силы и свободы. Все это делало жилище похожим на цветущий райский сад.

Цветистым орнаментом покрывались не только стены, но и печи, матицы, двери, стулья. У иных узорочье было даже на прятках и посуде. Все это ласкало глаз, создавало праздничный настрой даже в хмурые осенне-зимние дни.

Хозяева, обновляя росписи стен (как снаружи избы, так и внутри), старались заполучить Капитона, самого искусного в этом деле.

Сряда⁶, передаваемая по наследству из поколения в поколение, тоже всячески украшалась. При этом особый упор делался на вышивку, на ее яркость и разнообразие узора. Наряды бережно хранили и надевали лишь по великим праздникам. По мере необходимости подновляли, освежали. Но и к повседневной одежде относились крайне бережно. Кроили безостатковым способом, а самые лучшие ткани использовали лишь для видимых частей костюма: воротников и фартуков.

Рукоделию девочек обучали с малых лет. К семи годам они умели прясть и вышивать. К десяти-двенадцати, когда начинали готовить приданое, уже самостоятельно ткали в разной технике; кроили, шили простые фасоны. Небрежность резко осуждалась. Говорили – «худую», неумелую никто замуж не возьмет.

Мальчиков учили не только плотничать и столярничать, но и рыбачить, охотиться, валить лес, колоть дрова. А всех вместе – грамоте и Закону Божьему.

Обучение велось как в семье, так и в школе. Правда, после смерти наставника Григория она какое-то время бездействовала. Дарья, помня его слова: «Если в детстве не будем говорить с детьми о Боге, то в старости будем говорить с Богом о детях», решила возобновить занятия.

⁶ Сряда – нарядная одежда.

Особенно необходимы они были для детей пещерников. Рассудив, что лучше Паши для этого никого не найти: начитанный и спокойный, убедила сына взять на себя заботу о школе.

Занятия Павел Корнеевич начал с изучения Ветхого Завета и Пятикнижья. В хорошую погоду проводил уроки прямо на свежем воздухе: на лужайке перед школой, на речке, в лесу. Прочитав очередную главу, растолковывал ребятам ее суть на примерах из жизни общины. Попутно ненавязчиво разъяснял смысл требований Устава, писанного старцем Варлаамом.

Затем учили наизусть три основные молитвы: «Отче наш», «Символ веры», «Богородице Дева радуйся». Зубрили так, чтобы помнить до смертного часа. Кому-то учение давалось легко. А с кем-то приходилось оставаться и заниматься дополнительно. Освоив Азбучку, переходили к чтению книг.

Ремеслам же обучали другие члены общины, каждый по своей части.

* * *

Хорошо это или плохо, но жизнь Создателем устроена так, что покой и благодать не длятся вечно. В 7463 году⁷ (1957 году) лета практически не было. Каждый день дождь, холодный ветер. А в конце июня двое суток кряду валил снег. Погибло почти все звериное и птичье потомство. Выживших добила бескормица: не уродились ни ягоды, ни орехи, ни грибы. Холодное лето больше всех огорчало детвору – вода в Глухоманке была такой студеной, что ни разу не искупались.

Надежду на благополучную зимовку скитникам давала навяленная рыба. Ее, к счастью, в речке и озере не убавилось. Да и гусей во время линьки худо-бедно набить удалось. А вот набрать кедровых орехов и брусены, из-за неурожая, не получилось. Посему упор сделали на съедобные коренья. В общем, голод общине не грозил.

* * *

А вот обитатели монастыря от сюрпризов непогоды пострадали изрядно. У них за лето снег выпадал дважды. Первый, в июне, погубил всходы яровых и буквально припечатал к земле озимую рожь. Заодно мокрым снежным саваном переломало деревья. Второй, на Успение Пресвятой Богородицы, добил остатки того, что уцелело. Посему монастырским, чтобы посеять озимые⁸ и оставить зерно на весеннюю страду, пришлось резко ограничить выпечку хлеба.

Все понимали, что следует подналечь на рыбалку и охоту. Иначе зиму не пережить. Мужики уходили в обедневшую тайгу на несколько дней, но возвращались чаще всего с пустыми руками.

У Корнея к тому времени культя зажила и он, смастерив протез, стал учиться ходить. Первая конструкция оказалась неудачной: протез то и дело съезжал, а при опоре на него культю пронзала острая боль. Пытаясь хоть как-то улучшить ее, поместил протез в глубокую кожаную гильзу, плотно облегающую обрубок. Два поперечных ремня надежно фиксировали ее и обеспечивали равномерное распределение нагрузки при ходьбе.

Первое время Корней прогуливался лишь по территории монастыря. Когда кожа достаточно огрубела, стал выходить за ворота, где собирал дикоросы, а пообвыкшись, и в тайгу на охоту. При этом был единственным, кто почти всегда возвращался с добычей.

Старший сын Корнея – Изосим, он же настоятель монастыря отец Андриан, обиды на батю за то, что тот ушел из семьи, не поминал и вел себя по отношению к нему уважительно.

⁷ До 1700 года в России действовал ведический календарь, замененный Петром Первым на григорианский, ведущий отсчет с Рождества Христова.

⁸ Озимые сеют с конца августа по начало сентября, чтобы до снега ростки успели подняться до 10–12 сантиметров.

За время, пока заживала культя, Корней стал завсегдаем монастырской библиотеки. В ней нашлось и несколько книг по географии. Больше всего нравилось ему разглядывать карты в большом, увесистом фолианте «Атласъ Российской империи». Часами рассматривая хребты, затейливые нити рек и речушек, он вживую представлял эту местность.

Чаще всего раскрывал разворот, на котором были изображены река Лена и впадающий в нее Алдан. (Кружочек, обозначающий город Алдан⁹, на его извилистой ниточке почему-то отсутствовал.) Определив по характерной излучине место впадения Глухоманки, Корней отправлялся в мысленное путешествие по загогулинам русла, то приближаясь, то отдаляясь от Верхоянского хребта, до голубого поля с надписью «Северный океань».

Когда он первый раз прочитал ее, ему представилось громадное, бескрайнее озеро. Особенно потрясла Корнея его глубина. Судя по надписям на карте, она в некоторых местах превышала две тысячи метров. «Сколько же лет реки заполняли эту ямину? Пожалуй, не одну тысячу», – удивлялся он.

Корней так полюбил странствия по картам, что мог просидеть над ними несколько часов кряду.

Эти воображаемые путешествия распалили его фантазию. Неведомые горы и прихотливые извивы рек представляли перед его мысленным взором так четко, что он «видел» их в мельчайших деталях.

Некая юла, сидящая в нем, набирая обороты, пробуждала желание отправиться-таки к загадочному Студеному морю, известному ему с детства из сказок эвенкийской бабушки.

Прознав, что один из монастырских трудников много раз хаживал с экспедициями по Крайнему Северу, Корней зазвал его к себе.

Долговязый, сутуловатый бородач с умными серыми глазами в свои сорок с небольшим исходил весь Север и мог рассказывать о нем бесконечно. Наверное, поэтому монастырские звали его Географом. Как позже выяснилось, тот и в самом деле был учителем географии. Окончив Ленинградский университет, он девять лет преподавал в школе.

– Николай Александрович, как же вас занесло на Крайний Север?

– Так я, Корней Елисеевич, там и родился. Дед мой из ссыльнопоселенцев. Еще при Александре III протопал по этапу из Тульской губернии до Усть-Янска. Бабушка поехала за ним. Пока отбывали срок, обжились, детей нарожали. Так и остались. Это ведь только для заезжих Север промороженная, закованная во льды и обделенная светом окраина. Они и представить себе не могут, какое буйство жизни у нас летом! А как красиво небо, расцвеченное северным сиянием. Те, кому выпадает счастье видеть все это, пленяются Севером навсегда.

– Я, конечно, ничего этого не видел, но меня почему-то с детства тянет в те края. Крайне любопытно побывать там, где прошли первооткрыватели этих земель и морей.

– Это ж здорово! Корней Елисеевич, вы не пожалеете! Поверьте, в нашей стране не так уж много мест, принявших стольких прославленных путешественников, как мой Усть-Янск, – обрадовался Географ. – Представьте себе, еще в 1637 году енисейский десятник Елисей Буза первым спустился по Лене и вышел в Ледовитый океан с отрядом в 50 человек. На следующий год он же с сотоварищами на не боящихся льдов круглобрюхих кочах¹⁰ достиг устья Яны. Тогда же боярский сын Иван Ребров прошел пролив Дмитрия Лаптева и зашел в устье Индигирки.

– На карте есть море Лаптевых. Это в его честь?

– Разумеется, в честь него и брата Харитона¹¹. А устье Колымы морем первым в 1643 году достиг казачий атаман Михаил Стадухин. Общая протяженность открытых и описанных им берегов составила 1500 километров.

⁹ Алдан был основан в 1923 году (городом стал в 1932-м), а атлас издан в 1912 году.

¹⁰ *Коч* – русское, парусно-гребное деревянное одномачтовое, однопалубное судно с корпусом яйцеобразной формы.

¹¹ Полярные исследователи двоюродные братья Дмитрий и Харитон Лаптевы первыми описали береговую линию этого

Арктический мореход Семен Дежнев, выйдя из Нижнеколымского острога в 1648 году на кочах (три из них в шторм разбило), совершил выдающееся географическое открытие – доказал, что Азия не смыкается, как до того полагали, с Северной Америкой. Обогнув Чукотский нос, он первым прошел на лодке вверх по реке Анадырь, где построил острог. В Усть-Янске с научными целями побывали капитан-командор Семен Лаптев, мичман Федор Матюшкин. Позже Колымская экспедиция Фердинанда Врангеля описала побережье от Индигирки до Берингова пролива, который, вообще-то, справедливей было бы называть проливом Семена Дежнева, ибо проход из Ледовитого океана в Тихий пройден и описан им на 80 лет раньше обрусевшего датчанина.

– Вот это ничего себе! А я только про Дежнева и Врангеля читал.

– Что вы! На моей родине работали еще такие известные исследователи, как барон Толь, боцман Бегичев, геолог Волосович, ученый Миддендорф. А экспедиция друга Врангеля – лейтенанта Петра Анжу так и называлась «Усть-Янской». Описывая берег между Оленеком и Индигиркой, он прошел на собаках тысячи километров.

Наш Усть-Янск в те времена был известен от Таймыра до Чукотки. Я бы назвал его «форпостом лейтенантов». Поглядите, чьи подписи стоят под знаменитой генеральной картой Сибири, составленной по описям Великой Сибирской экспедиции: лейтенанты Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Сафрон Хитров, Иван Елагин; капитаны флота Степан Малыгин, Дмитрий Лаптев. Со временем почти все они стали адмиралами.

– Я читал, что священники, проповедуя слово Божие, к первой четверти XIX века завершили христианизацию малых народов Севера. При этом они выступали не только проводниками православия и русской культуры, но и обучали грамоте местное население.

До увлеченных беседой приятелей донесся звук била, призывающий к обедне.

– Николай Александрович, слушать вас интересно, но негоже опаздывать. Предлагаю встретиться еще раз после службы.

Корней встал и, приглаживая густо засеянную седыми нитями бороду, добавил:

– Для меня важно все, что касается Севера. Особенно про ранешные времена.

– Так я с удовольствием поделюсь всем, что знаю. Карту для наглядности принесу... Корней Елисеевич, просьба есть. Если не затруднит, зовите меня просто Николаем и Географом. Мне так привычней.

– Договорились.

Вечером Николай продолжил свой эмоциональный рассказ:

– На мой взгляд, вся эта лейтенантско-сибирская экспедиция, продолжавшаяся десять лет, с 1733 по 1743 год, – воистину Великая, я бы даже сказал – героическая! Поражает невероятная преданность делу и Отечеству! Ведь ни один народ, ни одно государство в те годы не пыталось, да, по-моему, и не смогло бы предпринять такого. Это как раз то, что называется русским размахом... Возьмем, для примера, только август-октябрь 1740 года.

Представьте Север того времени. На крайнем востоке страны, в Авачинской бухте, на Камчатке, отдают якоря пакетботы «Святой Павел» и «Святой Петр», прибывшие из Охотска под командой Беринга и Чирикова. В те же дни команда бота «Иркутск», на капитанском мостике которого стоит Дмитрий Лаптев, отважно пробивается сквозь льды вблизи устья Колымы, стремясь к неведомым землям Чукотки. А возле восточного берега Таймыра, сплюснутый торосами, идет ко дну бот «Якутск». Его экипаж, по решению Харитона Лаптева, направляется по льдам к пустынному берегу полуострова Таймыр и посуху обследует, описывает его. Тщательность и точность, с какой выполнены эти работы, поразительна. Еще более поразительно мужество этих людей: ведь они испытывали нехватку практически во всем.

– Я вам сейчас покажу маршруты этих экспедиций. – Возбужденный Николай развернул на столе вычерченную от руки карту. – Вот смотрите...

– Погоди, погоди – темновато, – остановил его Корней. Пересев к печке, он нащипал ножом, сделанным из старой косы, лучины. Запалил сначала одну, потом, для лучшего света, вторую.

– Вот теперь получше. И что там у нас?

– Смотрите, здесь нанесены все маршруты. Штрихами – первопроходцев, а те, что мы прошли, – точками. Я ведь тоже изрядно помотался по Северу. Если сложить все вместе, то поболее кругосветки получится. Вот отсюда досюда прошел в 1940-м с Ленинградской экспедицией. И тут был, и тут, – с гордостью показывал он.

– Я тоже немало походил по лесам и горам, но мне с тобой не сравняться.

– Вам будет чудно, но в Заполярье леса в обычном понимании нет.

– А что там, трава, что ль?

– В основном карликовые березки и ползучие ивы. А вот цветов море. Когда все они зацветают... красота неопишная! Глаз не отвести. Горы есть, но пониже ваших и по большей части лысые. А вот озер и болот без счета. В них, правда, не утонешь – вечная мерзлота.

С того дня их вечерние посиделки стали регулярными. Николай приходил к Корнею, как только управлялся с заданиями благочинного¹².

За чаем он подробно рассказывал все, что знал о Севере. Корней внимательно слушал. Если что-то было непонятно, переспрашивал. Оставшись один, записывал в тетрадь самое важное. В том, что судьба свела его с таким знатоком Заполярья, он видел Божий промысел.

Эти встречи-беседы окончательно лишили скитника покоя. Север все сильнее манил его. Никакие доводы разума уже не могли заглушить его желания идти туда, куда звала мечта, рожденная в детстве бабушкиными сказками: ведь ни одна из них не обходилась без упоминания о Студеном море. Корней и не противился этому зову. Эта мечта-желание настолько завладела

¹² *Благочинный* — священнослужитель, несущий ответственность за хозяйственную деятельность в монастыре и соблюдение братией внутренних правил.

им, что, ложась спать, он непременно мысленно проходил весь путь от монастыря до океана. А случалось, просыпался ночью от нахлынувших сновидений воображаемой дороги и подолгу лежал, заново переживая сон.

Корнею хотелось обсудить с сыном свое намерение отправиться на Север, но все робел: как-никак настоятель монастыря. Наконец набрался смелости и, выждав момент, когда тот отдыхал в своей келье, постучался. Изосим отворил сразу, словно ждал его. Это успокоило Корнея, и он заговорил без стеснения:

– Сынок, – тут он запнулся, – отец Андриан, пришел посоветоваться.

– Слушаю внимательно.

– Ничего не могу с собой поделатъ. Старая маета одолевать стала – потянуло в дорогу.

Изосим вопросительно глянул:

– И куда теперь?

– На этот раз туда, где кончается земля. Хочется увидеть океан и побывать в тех краях, где пол-лета – день, ползимы – ночь. Представь, там даже медведи белые! Что присоветуешь?

Сын смотрел на отца и думал: «Неугомон! Как был бродягой, так им и остался. Такого в четырех стенах не удержать», а вслух произнес:

– Ведал, что маешься, ждал, когда сам придешь. У Создателя на каждого из нас свой замысел. Коли Он тебя на край Земли призывает – стало быть, это для чего-то надобно... Благословляю!

Андриан перекрестил двоеперстно отца.

– Когда мыслишь отправиться?

– По весне, как земля подсохнет.

Хотя Изосим знал, что раньше июля отец не выйдет, поправлять не стал:

– Время подходящее. Одно тревожит – как на культе в такую даль?

– Ты же сам в проповеди о святом Луке говорил, что главный враг человека – страх. Что для успеха задуманного надобно не страшиться и, уповая на Бога, действовать. А уж Он подскажет и поможет.

– Я и не отрицаю того, но беспокоюсь – путь-то не близкий.

– Нога не подведет. Протез хорошо подогунал, сидит, как влитой. Да и кожа загрубела, не так чувствительна. Главное выйти к Алдану. Дальше мыслю на пароходе.

Тут Корней развернул тщательно скопированную из атласа карту:

– Ежели Господь позволит, хочу достичь вот этого пролива. Берингов называется. За ним Русская Америка. Аляской называется. Знаешь, кто такой Беринг и почему пролив назван его именем?

И Корней с жаром принялся рассказывать про экспедицию командора, которая благодаря мужеству и таланту капитан-лейтенанта Чирикова совершила массу географических открытий.

– С маршрутом все понятно, а как с родительским благословением? Без него пути не будет. В поучении Ивана Златоуста прямо сказано: «Родителя послушаться – Бога оскорбить».

– За то сильно опасуюсь... Отец ведь так и не простил.

– Сходи, покайся, глядишь, смягчится... Заодно проверишь, как нога себя поведет. В гостинец муки прихвати – у них, поди, давно кончилась. Марфе скажу, чтоб отсыпала.

Выйдя из кельи, окрыленный Корней немедленно направился к Географу. Не терпелось поделиться радостью, что настоятель поддержал его намерение достичь не только океана, но и Берингова пролива.

– Корней Елисеевич, если вы не против, я бы тоже с вами пошел.

– А чего мне противиться? Вдвоем-то сподручней. Тем паче места те знаешь, да и к бивачной жизни привычный. Только прежде чем идти, мне непременно родительское благословение получить следует. Без него никак.

Не любивший долгой раскачки Корней отправился в скит, едва стали гаснуть звезды. В лесу стояла обычная предрассветная тишина, но стоило взошедшему светилу позолотить морщинистую кору сосен и выбелить стволы берез, лес ожил: защебетали, запорхали разнокалиберные птицы, забегали зверушки.

В горельнике, в просвет между подрастающими елочками мелькнул круп убегающего сохатого.

– Ишь ты, белоглазый! Испугался?! – улыбнулся Корней.

Где-то в стороне неуверенно попробовала голос кукушка и смолкла, прокукував двенадцать раз.

– Что-то маловато ты мне отсчитала, – продолжал посмеиваться скитник.

«Пристыженная» птица вскоре возобновила счет и вещала свои пророчества до тех пор, пока Корней не сбился со счета. В растущих вдоль тропы зарослях шиповника он разглядел каким-то чудом сохранившиеся ягоды. Сняв со спины понягу, прислонил ее к стволу кедра и, отцепив притороченный котелок, стал собирать их для матери. Ягод было немного и, переходя от куста к кусту, он быстро удалялся от тропы.

Неожиданно оттуда донесся короткий рык. Привстав, скитник увидел, что метрах в пяти-шести от поняги стоит небольшой, видимо, прошлогоднего помета, медведь. Обнаружив незнакомую штуковину, он внимательно и смешно рассматривал ее издали.

«Что это такое? Оно опасное? Можно ли это съесть?» – читалось в его позе.

Зверь, крадучись делал к поняге шажок и замирал, вслушиваясь и всматриваясь, как оно отреагирует на его приближение. Не дойдя пару метров, остановился, переминаясь с ноги на ногу. Решив, что оно спит, стал фыркать и ударять перед собой передними лапами. Однако «незнакомец» не реагировал.

Корней с улыбкой наблюдал за «храбрецом».

Наконец, тот, подойдя почти вплотную, как можно сильнее отклонившись назад – мало ли чего! вытянул вперед лапу и попробовал прикоснуться самыми кончиками когтей. Едва успев дотронуться, резко отдернул ее – будто обжегся. Помедлив, решил повторить свой храбрый поступок. В этот раз коснулся чуть смелее – поняга шевельнулась! Медведь тут же отпрянул. А успокоившись, вновь решил подойти, но уже с другой стороны. Убедившись, что оно не опасно, пестун принялся обнюхивать, дотрагиваясь уже носом.

Корней, поняв, что пора спасать понягу, застучал ножом по котелку.

Перепуганный зверь, зауффкав, бросился наутек. Отбежав немного, обернулся и посмотрел с обидой – «Эх! такую добычу пришлось оставить!»

Набрав почти полный котелок ягод, скитник продолжил путь. Метров через триста увидел медведицу с двумя медвежатами и тем самым любознательным пестуном. Вокруг них чернели свежие поковки. Косолапые старательно выкапывали корни борщевика и, отряхнув от земли, аппетитно причмокивая, ели их. Корней осторожно обошел семейку.

* * *

Чем ближе Кедровая Падь, тем сильней тревога: как примет отец?

Вот и скит. Из некоторых печных труб, видневшихся над заплотом, струился дымок. Корней жадно вдыхал знакомые, только этому месту присущие запахи.

Постаревший, белый как полярная сова, Елисей встретил неприветливо. Набывшись, недобро зыркнул глазами из-под кустистых бровей:

– Чо пожаловал?

Погрузневшая мать, держа в руках принесенный сыном котелок с шиповником и ковригу хлеба, запричитала:

– Чего уж ты, отец! Аль не сын? Поговори нормально.

– Ну, слушаю, – досадливо поморщился тот, насупив брови.

– Тятя, пришел вымолить твое прощение, – видя, что отец смотрит по-прежнему неприязненно, взмолился: – не гневайся, прости Христа ради. Затмение тогда нашло, бес попутал, – в голосе Корнея прозвучала такая непостижимая боль, что взгляд отца помягчел. – Наказан я сполна – вот и ногу потерял, – задрал штанину сын.

Увидев протез, Елисей обомлел, а мать завывала в голос.

– Прости, тятя! Прости! Прости Христа ради, – твердил Корней, с мольбой глядя на отца.

Старик торопливо смахнул непроизвольно выкатившуюся слезу и, прикрыв рот ладонью, прокашлялся:

– Я что? Я не судья. Главное, чтоб Господь простил... Может, и я где-то оплошку дал, – и, повернувшись к супруге, уже твердо произнес: – полно, мать, мокроту разводить, на стол мечи. А ты садись, – указал он Корнею на лавку.

Заметив, что тот не решается, добавил:

– Чо мнешься? С дороги, поди, голодный.

Узнав о намерении Корнея, Елисей преобразился и даже посветлел лицом:

– Я ведь тоже когда-то имел охоту до Студеного моря сходить, да не сложилось... Коли душа просит, благословляю... Токо впопыхах такие дела не делаются. Все загодя надобно обдумать, подготовить... Не знаю, дотяну ли до твоего возвращения. Изломался... и сердце что-то по утрам замирать стало, а потом как зачастит, будто вдогонку пускается. Похоже, подходит мое время землицу удобрить.

Елисей, шаркая, подошел к божнице и снял с полки литую иконку Николая Чудотворца. Глядя сыну в глаза, промолвил:

– Это наша родовая икона. Перешла ко мне от твоего любимого деда Никодима, а ему от основателя общины – Варлаама. Во всех мытарствах сопровождала, беду и напасть не раз отводила. Даст Бог, и тебя в пути оборонит.

– Спаси Христос, тятя!

Корней благоговейно приложился к иконке.

– В дороге, сынок, всяко может случиться. Как бы тяжело ни было, не паникуй. Запаникуешь – пропадешь. Паника вреднейший враг. Не давай ей овладеть тобой. Тогда и Господь не оставит... Токмо греха страшишь...

Перекрестив, Елисей вручил иконку сыну.

– Растроганный Корней приложился к лику покровителя путешественников, поклонился отцу в пояс, и попытался было что-то сказать, но горло сдавил судорожный комок...

Елисей же тихо радовался: так вот как Господь решил исполнить его юношескую мечту о хождении на Студеное море!

Ближе к вечеру вернулись с Глухоманки Дарья с Пашей и невесткой Катей. Они собирали уродившуюся на мари у Завала клюкву. Хоть и обрызнуло волосы у Дарьи сединой, и фигура несколько оплыла, но стан по-прежнему прямой, и лицо своей былой красоты не утратило.

Молодые, молча поклонившись, сразу удалились в свою каморку, а Дарья не знала, как себя вести. Корней тоже растерялся. Так и стояли молча.

– Дарья, пошто заморозилась? Чай твой муж, – нарушил заминку Елисей, – вот пришел благословение испросить на путь к Студеному морю.

– Куда?? – переспросила пораженная Дарья.

– Чо раскудахталась? Сказал же – к Студеному морю.

– Ну и как? Что порешили?

– Благословил... Простил я его.

Узнав, что Корней обезножил, Дарья в порыве сочувствия, неожиданно для себя, забыв обиды, обняла мужа.

Корней, вдыхая запах ее волос, замер, не веря своему счастью. Так они и стояли, глядя друг на друга сквозь пелену наворачнувшихся слез, как когда-то... в прошлой, такой счастливой и такой далекой жизни. Во взгляде Дарьи читались то бессловесный укор, то непонимание, то восхищение.

– Боже мой! Ты так и не изменился, – прошептала она, – все такой же шальной, волк-одиночка.

– Понимаешь, океан так манит, что порой дрожу от нетерпения – быстрее бы отправиться. Даже дышать стал по-другому.

– А сдюжишь?

– До вас же дошел, и до Алдан-реки, с Божьей помощью, дойду. А дале на парохоме мыслю. И не один иду, с товарищем. Он Север хорошо знает – родом с тех краев.

– Дивлюсь я на тебя.

Тут она едва сдержалась, чтобы не сказать ласково «Горе ты мое луковое».

– Родители с тобой живут как у Христа за пазухой. Отец вон какой бравый.

– Это он на людях бодрится. На самом деле болезный. Иной раз бывает так плох, что ляжет и задыхается, словно рыба на берегу. Давеча Катя едва откачала – чуть не задохся.

– Да уж, тятя жалобиться не любит... Пластина-то, гляжу, теперь в нашем доме стоит. Картинки смотрите?

– Какое! Она уж с год как не кажет.

– А Ларь как? На месте?

– С ним все в порядке. Паша с пещерниками приглядывают.

Утром, перед тем как выйти из избы, Корней постоял у порога, оглядывая отчий дом так, словно хотел запечатлеть в памяти все до мельчайших деталей. После чего решительно распахнул дверь – впереди его ждала полная приключений и испытаний дорога.

У скитских ворот Елисей еще раз перекрестил сына двумя перстами и добавил к лежащим в поняге трем вялым гусям мешочек отборных кедровых ядрышек – полночи чистил. Прощались молча, соединяя усы и бороды в трехкратном поцелуе.

Дарья, прижавшись напоследок, прошептала:

– Буду каждодневно молить Господа за тебя.

Отходя, Корней несколько раз оборачивался и, шурясь от солнца, поглядывал на сутулого отца, грузную мать и ладную Дарью.

В монастырь он не шел, а почти летел по нахоженной за четверть века тропе, с наслаждением вдыхая пьянящие запахи хвои и смолы. Еще бы, такая радость – тятя и Дарья не только простили его, но и были приветливы, порой даже ласковы. Еще вдохновляло то, как легко он осилил полсотни верст, отделяющие скит от монастыря.

А вот к Алдану тропы не будет, разве что зверовая. Там завалы и буреломы, да и расстояние поболее верст на двадцать. Но в душе крепла уверенность, что и этот переход он одолеет.

Тайга, прогретая полуденным солнцем и погруженная в сладостную летнюю истому, была до того красива, что душу наполнила редкая благодать. Сердце Корнея переполняло желание поблагодарить Создателя, что он так замечательно все устроил. Осеня себя крестным знаменем, он принялся громко читать все известные ему благодарственные молитвы. После чего лег на до хруста высохший ягель и, раскинув руки, вслушивался в тишину.

Скитник безошибочно различал голоса деревьев: глухо шумел, вздыхая, старик кедр, пугливо звенела, дрожа от малейшего ветерка, осина; весело лопотала, словно радуясь ему, береза.

Сколько он так лежал, ласкаемый солнцем и шаловливым ветерком? Сколько прошло времени? И есть ли оно? Все это было не важно. Важно было то, что он чувствовал себя абсолютно счастливым!

* * *

Подготовив за зиму все необходимое для дальнейшей дороги, а требовалось учесть массу мелочей, без которых в пути не обойтись, Корней с Николаем не чаяли, когда сойдет снег, подсохнет и можно будет отправиться в путь.

Весна не подвела – грянула дружно и стремительно, но не успела скатиться талая вода, зарядили обложные дожди. Потянулось мучительное ожидание погоды. Друзья каждое утро с надеждой взирали на небо, однако хмарь не собиралась отступать. Невзирая на непогоду, на соснах затопорщились розовые свечечки будущих шишек.

В конце второй седмицы июня ранним утром в келью Корнея зашел взволнованный Изосим.

– Тятя, собирайся! Чую, деда уходит.

До Корнея не сразу дошел смысл леденящих сердце слов.

– Куда это он на старости собрался? – а поняв, вскочил: – Так идем. Я готов.

Он не стал спрашивать, откуда сыну ведомо это – знал, что тот многое предчувствует. Через полчаса они были в пути. Хотя отправились налегке, идти споро не получалось. Тропа от дождей раскисла, и ноги на ней разъезжались. Корней, чтобы не упасть, вырубил себе посох. Изосим, жалея отца, весь груз нес сам.

Сильно задерживали ручьи, превратившиеся в клокочущие, пенные потоки. Если прежде их можно было просто перешагнуть, теперь приходилось одолевая вброд – до того много в них стало воды. Шли без остановки весь день и всю ночь. Утром, мокрые и грязные, вошли в скит. Дарья во дворе кормила собаку. Поцеловав сына и приобняв мужа, вполголоса произнесла:

– Отцу лихо. Не встает, второй день от еды отказывается, только водичку пьет. Вчера уж исповедовался и попросил причастия. Собиралась сегодня Пашу за вами послать, а вы, слава Богу, сами явились.

Возле кровати, на которой лежал исхудавший, с безжизненно застывшим лицом и заострившимся носом Елисей, сидела, поглаживая высохшую, перевитую венами, руку мужа, Ольга.

Услышав скрип половиц, старик приоткрыл глаза:

– Корней... вот радость! Не чаял увидеть, – с трудом пролепетал он, – думал, ты уж в пути, – и, переведя взгляд на Изосима, добавил: – а я, дурень, опасался, что не почувешь. Ан не утратил прозорливости. – Силясь что-то еще сказать, он весь напрягся, однако вместо слов зашелся сухим кашлем. Переведя дух, тихо, но в этот раз внятно, продолжил с трогательным спокойствием: – Приходит пора, и лист с дерева опадает... Вот и мой час настал... Ододела-таки немочь... Сердце чуть токает.

Приступ кашля не дал договорить. Отдышавшись, он напрягся, словно пытался что-то важное вспомнить. Наконец, видимо поймав ускользающую мысль, произнес:

– Сынок, ты уж нашу мечту и за меня исполни...

Создатель за добродетельно прожитую жизнь пожаловал Елисею Никодимовичу кончину легкую, безболезненную. Преставился он до того тихо и незаметно, что не сразу поняли – думали, спит.

Обмыв и облачив умершего в длинную белую рубаху с колпаком, уложили в выдолбленную им же из цельной лесины домовину. В руки вложили лестовку¹³.

Лицо почившего все более просветлялось, казалось, даже слегка порозовело. Морщины и скорбные складки разгладились, проступила печать умиротворения. Он был красив в своем смирении и ожидании скорой встречи с Богом.

¹³ Лестовка — кожаные четки у старообрядцев.

Во время отпевания Корней не сводил глаз с отца. Слезы текли по щекам и терялись в бороде. Он испытывал горькую сладость не только от того, что успел получить прощение и благословение, а еще оттого, что благодаря непогоде, устроенной по воле Господа, он задержался с выходом и сумел проводить отца в последний путь.

На следующий день одни мужики пошли на погост копать могилу, другие принялись готовить материал на могильный сруб и крест...

Хоронили всей общиной без плакальщиц, в благоговейном молчании. Торжественное спокойствие и достоинство хранили даже лица детей. Домовину несли шестеро не сродников до самого кладбища...

Мать после похорон слегла: не могла представлять себе жизнь без мужа, с которым в любви и согласии прожила пятьдесят девять лет. Глядя на лик Христа, она без конца молила:

– Господь, сжался! Прошу Тебя лишь об одной милости – даруй мне смерть для воссоединения с мужем, рабом Твоим, Елисеем.

Изосим не мог надолго покидать монастырь. Отслужив на девятый день молебен, ушел. Корней остался. Он часами сидел рядом с матерью и, чтобы хоть как-то отвлечь ее от горестных дум, в подробностях рассказывал истории из того времени, когда он жил в стойбище ее отца.

Мать слушала, приложив ладошку к уху, то удивленно ахая, то – одобрительно кивая головой. Порой и сама принималась вспоминать случаи из своего детства.

В один из вечеров она взяла Корнея за руку и, глядя в глаза, принялась с дрожью в голосе говорить:

– Сынок, твой Север с головы не идет. Всякая жуть мерещится... Уж иной сел на волосы, а ты в такую даль собрался. Ну что вы с отцом в том окиане потеряли?

– Так ведь это твоя мама посеяла в моей душе тягу к Северу. Все ее сказки Студеным морем заканчивались.

– Сказки, они и есть сказки. Это ж не в стойбище сходить. Вспомни дядю Бюэна, на что опытный, а не доглядел – в полынье утоп. Да и сам ты, хоть и много хаживал, а вот ногу потерял... Еще о вас с Дарьей думаю. Она, гляжу, вроде оттаяла, может еще и наладится. Ей, что думаешь, легко одной?... Оставайся! Очень прошу!

И такая боль прозвучала в голосе матери, что у Корнея защемило в груди. Собираясь с мыслями, он откинул со лба тронутые сединой волосы:

– Матушка, как тебе объяснить... Хорошо в скиту. Рад, что привечаете. Но если останусь, все одно усидеть не смогу. У меня уже все мысли ТАМ. Ни о чем ином думать не могу. Пойми – если останусь, всю жизнь корить себя буду – почему не пошел?! Поверь, это не каприз, а обдуманное решение. Ты не тревожься, не один иду, а с бывалым товарищем. Он родом из тех мест.

Мать, прикрыв глаза, долго молчала. По ее щекам тихонько текли слезы. Вытащив из-под подушки платочек, вытерла их и высморкалась.

– Ну что ж, сынок, коли твердо решил, твоя воля, – наконец вымолвила она... – Видимо, моя эвенкийская кочевая кровь тебе покоя не дает... Спаси Христос, что побыл со мной, а то ведь и жить не хотелось. Сейчас, чувствую, силенки возвращаются. Пора вставать, хозяйством заниматься. Да и Катеньке скоро помощь нужна будет. Видел, поди – на сносях девочка.

– Вот это да! А я и не заметил, – удивился Корней.

– Смотрю на нее и не нарадуюсь – повезло Паше. Такая она проворная и внимательная. Дай Бог ей здоровья... За меня не тревожься. Спокойно иди. Исполни свое и отцово мечтание.

– Спаси Христос, матушка! Знал, что поймешь.

– Корнюша, об одном прошу: каких бы людей в дороге не встретил, худа никому не желай. Худые мысли по миру погуляют и к тебе же возвратятся.

– Не переживай, матушка. Я это давно понял. Не юнец ведь – скоро, сама говоришь, дедом стану. Жаль только, что с Пашей у нас пока никак не наладится.

– А что ты хочешь? Вырос без тебя. Вас ничто кроме крови не связывает. Добавь сюда еще и обиду – все росли с отцами, а он без, при живом-то. Ежели хочешь наладить отношения, тебе с нами семьей надо жить, а ты опять неведомо куда собрался.

– Матушка, мы же с тобой все обговорили. Ну не могу я остаться. Давай не будем об этом больше.

Когда Корней возвратился в монастырь, томил июль. От жаркого солнца в воздухе стоял дурманящий запах багульника и едва уловимый пересохших до хруста мхов. Разыскал Географа.

– Николай, предлагаю завтра все еще раз проверить, получить продукты, а послезавтра в путь.

На следующий день, когда друзья паковали поняги, от ворот донесся громкий голос Вана:

– Люди, ходи! Товар привез! Люди, ходи! Товар привез!

У ворот стояли навьюченные лошади и китаец с вежливой, приятной улыбкой на лице.

Расплатившись с торговцем за доставленный товар, Изосим провел Вана в трапезную и попросил Марфу накормить его. Та поставила перед ним еду в гостевой посуде и, сев напротив, тут же принялась расспрашивать:

– Как там наши? Прибавление у кого есть?

– Прибавление есть, да ваших уже нет.

– Как так – нет? – Марфа аж подпрыгнула.

– Все на пароходе уплыли.

– А что случилось? Они ведь обустроились, хорошо жили, – удивился Изосим.

– Китай новый закон: русский старовер не надо.

– Куда уплыли, знаешь?

– Америку.

– Плохая новость. Ну а у тебя самого как дела?

– Моя плохо. На границе чуть не пропал. Назад ходи. Новый дорога искал. Не знай, как дальше ходи. Трудно.

– Ван, ты уж нас не бросай. Мы ведь всегда хорошо платим.

– Платите хорошо. Граница плохо ходить стало. Прибавка надо.

– Не переживай. Не обидим.

Попрощавшись, настоятель вышел. Пробыв у себя в келье с полчаса, направился к отцу.

– Тятя, тебя на Чукотку неспроста потянуло. Ван новость принес – маньчжурцы-то, оказывается, в Америку уплыли. Чую, где-то на Аляске строятся.

* * *

Провожать Корнея с Географом вышли почти все обитатели монастыря. Давали советы, желали удачи. Больше всего переживали за Корнея. Пухлая, предобрая тетка Марфа, беспрестанно всплескивая руками, причитала:

– Корней, да пошто ж ты себя на такие муки обрекаешь? Опамятуйся, пока не поздно! Далеко ль на одной ускачешь? Оголодаете, замрете!

Тот отшучивался:

– Мне на роду написано бродяжничать. Дарья так и говорит «бродячий волк».

– Знамо дело, Дарья зря не скажет.

– Ему, бедошнику, делать больше нечего, вот и изгиляется, – проворчал постаревший Дубов.

Корней подошел к Тинькову и крепко обнял.

– Николай Игнатьевич, не устаю в молитвах благодарить тебя. Если б ты не оттяпал мне полноги, давно б землю удобрял.

– Честно говоря, сам радуюсь, что так удачно вышло.

Из ворот к отбывающим вышел отец Андриан. Путники поклонились настоятелю в пояс:

– Отче, благословите.

– Братья, дело вы затеяли многотрудное. В дороге у разных людей придется бывать, с ними пищу делить, вместе спать. Посему, при каждом таком случае, читайте очистительную молитву. А вот постами себя не изнуряйте – дорога дальняя, тяжелая, позволительно и послабу дать.

Коли одноверцев встретите – всенепременно контакт наладьте. Свежая кровь нам вельми потребна. Может и не полные одноверцы, главное, чтобы почитали Святую Троицу, Символ Веры и крещены, как и Иисус, тремя полными погружениями, – напутствовал настоятель. – На грубое слово не сердитесь, на сладкое – не поддавайтесь. В пути молитесь. Господь не оставит.

Андриан трижды осенил их благословляющим крестом. Странники, с почтением приложившись к его руке, закинули за спину увесистые поняги и, не оглядываясь, зашагали мимо уже тронутого желтизной поля пшеницы к перевальной седловине.

– Чистой дороги! Никола в путь! Будьте Богом хранимы! – неслось вдогонку.

Корней шел, поскрипывая ремнями протеза, со счастливой улыбкой на устах. Еще бы – наконец он в пути! И сразу глубже стало дыхание, пробудились, налились силой мускулы. А от пьянящих ароматов, разопревших на солнцепеке цветов и трав (скитник по привычке на ходу срывал целебные), от смолистого духа кедрового стланика, от предвкушения встречи с новыми, неизвестными ранее местами, а особенно – с Океаном – сердце переполняла такая неохватная радость, что ему так и хотелось взлететь и парить над любимыми горами и тайгой! Радости добавило и дозволение настоятеля на совместное принятие пищи с иноверцами, а то все думал, как быть, дабы не согрешить.

* * *

Взойдя на вершину гребня, Корней остановился. Сняв войлочный колпак и отерев платком со лба пот, выступивший от зноя и затяжного подъема, с волнением оглядел синеющую на северо-востоке зубчатую цепь в пухлой кайме облаков. Где-то там родная Впадина, Глухоманка с жемчужными сливами водопадов, золоторудное гнездо, надежно заваленное им в каменной теснине. Хотя они отсюда и не видны, Корней «видел» их в мельчайших деталях. Еще бы – исходил все вдоль и поперек!

Сердце сжалось – доведется ли вернуться? А ведь мог остаться и спокойно жить с Дарьей, родными. Так нет, жажда дороги и давняя мечта пересилили.

От этих мыслей отвлек восторженный возглас Николая:

– Корней Елисеевич, гляньте, красотища-то какая! Какое счастье видеть все это! Славно, что мы наконец в дороге!

Дальше шли по хорошо продуваемому водоразделу, обходя нагромождения камней и поля низкорослого кедрового стланика, обвешанного небольшими, тугими, пока еще фиолетовыми шишечками. Местами его упругие ветки переплетались столь густо, что по ним можно было шагать, не касаясь земли, но Корней знал, насколько обманчива эта соблазнительная доступность – если угодишь в прогал, можешь подвернуть ногу или, того хуже, сломать ее. Посему путники пользовались набитыми медвежьими тропами: косолапые тоже не любят ходить по коварному стланику. Но еще больше они не любят ходить по сырым, звенящим от комарья низинам. Сверху они кажутся красивыми и ровными, сулят легкую дорогу, а на деле встретят залежалой гнилью, непроходимой чащей и беспощадным гнусом.

Люди шли по водоразделу еще и потому, что с него хорошо просматривалась вязь хребтов и долин, иссеченных пенистыми ручьями. Это облегчало выбор наиболее удобного маршрута к Алдану.

В какой-то момент Корней краем глаза уловил чуть заметное движение. Повернувшись, увидел идущую за чапыжником рысь. Рельефно перекатывающиеся под крапчатой шкурой мышцы, мягкая вкрадчивая поступь, взгляд исподлобья говорили о ее независимости и самостоятельности. Тем не менее, заметив людей, кошка поспешила скрыться.

Путники то и дело вспугивали клевавших камушки глухарей. Те с оглушительным треском от ударов тугих крыльев улетали с залитого солнцем гребня в тенистую чащобу. Одного из них Корней подстрелил на ужин.

Далее дорогу перегородил большой муравейник. На нем лежал, раскинув крылья, ворон. Казалось, птица мертва, но при приближении людей она встрепенулась и взлетела, обдав резким запахом муравьиной кислоты.

– Дошлая карга. Намеренно ложится, чтобы муравьи очищали оперение от клещей и паразитов, – на ходу пояснил Корней. – Николай, погляди вон на ту сосну. Видишь царапины?
– Вижу. Это рысь когти точила.
– Верно! Похоже, давно – уже короста выросла.

Завершая дневной ход, светило зависло над горизонтом, и тайга замерла в безмятежной истоме тихого, теплого вечера. Пока подыскивали для ночевки подходящее место с проточной водой, солнце село. Зато их настойчивость была вознаграждена – нашли жизнерадостный родничок, бурунистой струйкой бьющий из-под обомшелого валуна. Теперь можно сбросить тяжелые котомки, умыться ключевой водой и, разостлав спальники, плюхнуться на них. Десять минут – и усталость сменилась привычной легкостью во всем теле. Правда, растревоженная ходьбой с тяжелым грузом, культя напоминала о себе пульсирующей болью.

Внимательный Николай взял хлопоты по приготовлению ужина на себя. Но прежде, мучимый жаждой, припал к роднику. Корней покачал головой:

– Воду лакает зверье. Негоже нам уподобляться им.
Николай вопросительно глянул.
– Ежели кружка далеко, хотя бы ладонью черпай.

Напившись, Географ соорудил таганок, принес сушняка, достал огниво: кусок кремния и железный брусок с мелкой насечкой. Ударяя им по острой кромке кремния с прижатым к нему куском фитиля, стал высекать искру. Когда он задымил, сунул его под пучок сухой травы и, опустившись на колени, принялся раздувать огонь. Трава задымилась и вспыхнула. На пламя тут же легли завитки бересты, мелкие сучья, сверху – покрупнее. Быстро разгораясь, костер заявил о себе энергичным треском и бойким танцем оранжевых язычков. Свет костра, ныряя в сразу сгустившуюся тьму, норовил вырвать у ночи кусочки пространства.

Корней тем временем оципал и выпотрошил глухаря. Когда мясо сварилось, добавил в котелок собранного по дороге и мелко нарезанного дикого лука и сныти. После ужина Николай взбодрил костер и принялся что-то записывать в тетрадь.

– Что пишешь?
– Когда вышли, где шли, что видели, где встали. Эту привычку завел с тех пор, как прочитал дневники штурмана Альбанова. В них описана история двухлетнего дрейфа шхуны «Святая Анна» полярной экспедиции Брусилова. Почти все ее участники погибли, но благодаря этим дневниковым записям географические открытия, сделанные ими, стали достоянием человечества. А меня они пристрастили к чтению книг о путешественниках, мореплавателях и совершенных ими открытиях. Самая любимая – «Робинзон Крузо»¹⁴. Кстати, в этом году 300

¹⁴ Пробразом Робинзона Крузо послужила история шотландского боцмана Александра Селькирка, прошедшего около

лет с тех пор, как он после кораблекрушения оказался на необитаемом острове и прожил там двадцать восемь лет.

– Неужели все годы один?!

– Поначалу один, а потом с индейцем Пятницей. Робинзону повезло, что остров находился в теплых морях. Там круглый год лето. Правда, он и сам молодец – никогда руки не опускал. Хижину построил, коз приручил. Нам будет потрудней – идем туда, где море во льдах и девять месяцев зима.

Последние слова Географ произнес зевая.

Костер догорал. Фиолетовые язычки украдкой выглядывали между головешек и снова прятались в мерцающих жаром убежищах. Вот и они погасли. На черном небе сразу отчетливей проступила широкая жемчужная дорожка с разбросанными вокруг нее созвездиями.

Проснулся Корней от тоненького свиста. Открыв глаза, увидел в лучах солнца шныряющих по стану полосатых бурундуков. Забавы ради тихонько откликнулся голосом самочки. К нему тут же выбежал рыжеватый кавалер. Встав столбиком на обомшелом пне, завертел головкой – где же подружка? Корней повторил свист и осторожно потянул руку к котомке, чтобы достать лепешку. Бурундучок в мгновение ока исчез и в тот же миг вырос на другом конце валежины. Через некоторое время он осмелел и, подбежав к вкусно пахнущим кусочкам, стал забавно запихивать их лапками в защечные мешочки.

Эти малыши, пожалуй, самые милые и юркие среди всей таежной мелкоты.

На третий день горы пошли на понижение. Появились кусты жимолости. Сизая кисло-сладкая ягода уже почти вся осыпалась. А вот малина как раз поспевает. Возле особенно урожайных кустов останавливались полакомиться.

Когда отрог сошел на нет, путники оказались в сумраке пойменного леса. Ветра в нем не чувствовалось. Он слегка шумел лишь в позолоченных солнцем вершинах деревьев.

пяти лет на необитаемом острове Тихого океана близ берегов Чили. Этот остров сейчас так и называется – «остров Робинзона Крузо».

Тропа то пропадала, то появлялась. Деревья стояли так часто, что видимость не превышала пяти-шести метров. Сыростью и гнилью тянуло от затушенной влажными мхами земли, в воздухе клубились тучи кровососов. Они проникали во все доступные и недоступные места. Уж до чего Корней с Николаем привычны к укусам этих вампиров, но и они, потеряв терпение, то и дело бежали, отмахиваясь ветками. Однако через секунд пять их вновь окружало серое звенящее облако.

Неожиданно до ушей путников донеслось странное, повторяющееся протяжное дребезжание. Ветерок то приближал, то отдалял его.

– Похоже, медведь музицирует. Встречал таких. Пойдем глянем? – предложил Корней.

И в самом деле, на проплешине, усеянной вывороченными бурей деревьями, сидел у комля сломанной ели косолапый. Он передними лапами оттягивал длинный отщеп и, резко отпустив, с уморительным наслаждением вслушивался в произведенный им пронзительно-вибрирующий звук. Было заметно, что эта «игра» на «щепковом инструменте» доставляет могучему зверю удовольствие.

– Действительно, музыкант! – согласился Николай.

На соседнем кедре разглядели застывшего на суку глухаря. Казалось, он с неменьшим удовольствием слушал диковинные звуки. Чтобы не мешать исполнителю и его благодарному слушателю наслаждаться «музыкой», люди вернулись на тропу.

Через пару километров тайга расступилась, и ходоки оказались у болотистой мари, пахнущей ржавым железом. Огибая ее, вышли к зарослям смородины. Ягоды еще не совсем созрели, но некоторые есть уже было можно, однако армады беспощадных комаров, норвящих вонзить свои тонюсенькие жальца в незащищенные участки тела, не давали остановиться. Пришлось срывать ягоды на ходу.

С противоположной кромки болотины донесся харкающий кашель. Там, не поднимая головы, брел, пощипывая траву, молодой согжой¹⁵. На его голове топорщились панты – мягкие рога, покрытые тонкой кожицей с короткой серовато-коричневой шерсткой. До гона олени всячески оберегают их. На ощупь они теплые и упругие. Окончательно окостенеют через пару недель. Тогда эта кожица потрескается, начнет свисать лохмотьями. А животные примутся тереть рога о деревья и камни, чтобы к гону полностью избавиться от нее.

Солнце потихоньку скатывалось к горизонту. Сумрак, таившийся под кронами деревьев, поднимался все выше и выше, отчего лес постепенно погружался во тьму. Уже перед самым закатом в проеме между двух сопков блеснула расплавленным золотом широкая лента воды – Алдан!

Несмотря на усталость, решили все-таки выйти к реке и уже там встать на ночевку. Николай, продираясь через завалы деревьев и плети цепкой ежевики, во все горло вопил: «Врагу не сдастся наш гордый Варяг, пощады никто не желает...»

Чем ближе к берегу, тем непроходимей буреломы и гуще подлесок. Ноги на сырых валежинах и обомшелых камнях скользили, но бывалые таежники, защищая рукой глаза от гибких ветвей и острых сучьев, шли уверенно.

Когда наконец они вышли на берег, небесный свод мерцал тысячами звезд. Завершающий переход так измотал путников, что Географ отключился, как только прилег. А Корнея, начавшего читать «Повечерницу», сон сморил на середине молитвы. Спали крепко, как младенцы: знали, что суда на этом участке из-за сложного фарватера ночью не ходят.

¹⁵ Согжой — дикий северный олень.

Сплав по Алдану

Под утро пала обильная роса. Безоблачное небо обещало ясный, жаркий день. Вот первый солнечный лучик ударил в пенек рядом с Корнеем. На пригретое место выползла из влажной травы сонная стрекоза. Летать пока не может – крылья в мелком бисере росы. Теплое пятнышко медленно перемещается, и стрекоза ползет за ним – сушит крылышки. Вслед за солнцем поднимается от реки легкий, полупрозрачный туман. Морщинистая рябь речного плеса то и дело нарушается дразнящими всплесками крупной рыбы, охотящейся на мелкоту. Захлопали в ладошки листья, разбуженные ветром.

Прочитав «Начала», Корней спустился на покрытый дрсевой берег, отстегнул протез, разделся догола, оставив только поясок, и поплыл.

Холодная вода была до того прозрачна, что сквозь двухметровую толщу было видно, как колышутся у дна длинные пряди водорослей.

– Корней Елисеевич, что ж вы поясок не сняли? Промок ведь, – удивился Николай, когда тот на четвереньках выбрался на берег.

– Мы поясок никогда не снимаем. Он, как и крест, защищает от всех напастей.

– Эх, и мне, что ли, подпоясаться, – то ли в шутку, то ли всерьез произнес Географ.

Занимаясь приготовлением завтрака, путники то и дело поглядывали на излучину реки – не появится ли пароход, идущий на север. Теперь, не в пример прежним временам, ходили они по Алдану довольно часто. До полудня прошли три судна, но все на юг.

Наконец из-за мыса показался сухогруз, идущий на север. Судя по тому, что ватерлиния¹⁶ касалась воды, загружен он был до предела. В ответ на их крики с палубы только рукой помахали. Зато шедший за ним буксир, на носу которого было выведено «Громов», на вопли путников откликнулся – сошел с фарватера. Приблизившись к берегу, седовласый капитан, с бакенбардами на изъеденном оспой лице, зычно крикнул:

– Что случилось?

– На борт возьмете?

– Куда вам?

– К океану.

– Эва! Мы токо до Хандыги...

– И до Хандыги годится.

Когда странники поднялись на палубу, капитан представился с легким поклоном:

– Михаил в квадрате. – Видя, что его не поняли, добавил: – Михаил Михайлович. А вас как величать? – глядя на них небесными глазами большого ребенка, капитан широко улыбнулся.

По первости он показался путникам довольно грузным, но, как потом выяснилось, был подвижным и легким на подъем.

– Меня Корнеем Елисеевичем, а его Николаем Александровичем, – ответил скитник, протягивая капитану глухаря, которого он подстрелил вчера на закате.

– Спасибо! Держи, Егорка, – передал тот петуха конопатому верзиле в тельняшке с непокорным чубом и нежным пушком на верхней губе. – Нынче пируем! А то все рыба да рыба. Хоть и люблю ее, но иногда хочется дичины... А вы к океану куда?

– Для начала в Усть-Янск. Я оттуда, – ответил Географ.

– Вряд ли из Хандыги кто-то будет в те края. На Лену вам надо выбираться, там больше шансов... А у меня, мужики, нынче последний рейс! Отходил свое! – то ли с грустью, то ли

¹⁶ Ватерлиния – линия на корпусе судна, обозначающая максимально допустимую осадку при полной загрузке.

с гордостью произнес Михайлыч. – Сдам буксир и – на пенсию. Дальше пушай молодой капитанит.

Не бывавший прежде северней устья Глухоманки Корней, шурясь от сплящих бликов солнца, с интересом всматривался в проплывающие берега. Левый представлял собой лесистую равнину с редкими куполами холмов. Между ними аласы¹⁷ – плоские, котлообразные понижения с озерами и тучной луговой растительностью на дне: идеальные пастбища для коров и лошадей. На них любят селиться якуты. Там, где аласы большого размера или расположены кучно, живут сразу несколько семей.

Правый же берег высокий, обрывистый. По его глинистым обнажениям сочатся водой прослойки льда. В ложбинах белеют снежники. Сразу за узкой полосой прибрежной тайги тянутся параллельно руслу цепи нарастающих по высоте горных кряжей, покрытых где темнохвойным лесом, где полями кедрового стланика, разорванные конусами осыпей. Кое-где живописными группами щетинятся зубцы останцев. За ближними, более низкими цепями дыбятся белоснежные пики главного Верхоянского хребта, вытянувшегося вдоль правобережья Алдана и Лены на 1200 километров – почти до самого Ледовитого океана. Из-за резкой цветовой границы кажется, что заснеженные вершины – это облака, зацепившиеся за горы.

Желая блеснуть географическими познаниями, Корней, указывая на ближнюю горную цепь, произнес:

– Хребет Сетте-Дабан. Входит в Большой Верхоянский.

– В переводе с якутского – Шагающая Гора: мы плывем, а она не отстает – идет за нами, – добавил капитан.

– Люблю горы, – не сводя глаз с пиков, признался Корней. – Это особый мир!

Михайлыч оказался заядлым рыбаком, как он сам себя называл – рыбашником. При этом рыбалкой считал только ловлю тайменя. Стоило показаться подходящему для их обитания месту, глушил двигатель и бросал якорь. Чаще всего это были ямы на крутых излучинах, либо устья шумливых притоков: на стыке быстрой и спокойной воды этим речным разбойникам всегда есть чем поживиться.

Ближе к вечеру из-за утеса показалась очередная, манящая черной глубиной ямина, образовавшаяся в месте впадения горной речки. У берега на мелководье, устланном базальтовыми плитами, стояли в два ряда рыбы. По широким, похожим на развернутый веер полупрозрачным плавникам на спине сразу определили – хариусы.

– Чую – и таймешки тут есть. Вон там должны «пасться», – уверенно заявил капитан, указывая на витую полосу сходящихся потоков.

Пристали к террасе, упирающейся в крутой, покрытый разлапистыми кедрами склон, чуть ниже ямы.

Михайлыч вынул из брезентового чехла короткую бамбуковую удочку с катушкой. На конце жилки поблескивала ложка без ручки с прицепленным к ней тройником.

– Безотказная снасть – спиннинг называется. Чешский турист подарил, без блесны, правда. Я их сам из ложек мастерю.

Корней с сомнением покачал головой:

– Чего ради рыба ложку глотать будет? Она ж не слепая.

– Еще как будет! – снисходительно улыбнулся капитан, подкручивая по привычке усы. – Увидишь!

Перейдя на полузатопленный камень, Михайлыч принялся бросать «железку» точь-в-точь в те места, где давали о себе знать расходящимися кругами таймени. Заброс за забросом, а рыба не реагировала.

¹⁷ Аласы — типичные для Якутии геологические образования, представляющие собой плоскодонные луговины, диаметром до нескольких километров, и обрамленные невысокими валами. Образуются при вытаивании подземных льдов.

Корней про себя посмеивался: «Чудак! Где это видано, чтобы таймень железками питался». Сам он срезал длинный тальниковый хлыст и привязал к тонкому концу жилку. Вместо грузила расплющил дробинку и, сложив получившуюся лепешечку пополам, зажал ею леску. На крючок насадил пойманного овода. Пройдя к устью, с подвижными завитками водоворотиков, перекрестился и стал одного за другим выуживать радужных хариусов. Было жарко, настойчиво атаквали оводы, но Корней так увлекся, что не обращал на них внимания.

Капитан тем временем продолжал упорно обстреливать темную ямину. Плечи у него уже ныли от бесчисленных бросков. Наконец спиннинг резко дернулся.

– Есть!!! Взял!.. Здоровый!.. Тяжело идет! – радостно выкрикивал Михайлыч.

Удилище то изгибалось в крутую дугу, то взлетало вверх, то вытягивалось в одну линию с лесой. Тревожно трещала сорванная с тормозов катушка. Жилка, обжигая кожу, рвалась из-под прижимающих ее пальцев. Вытянув метров двадцать, таймень остановился. Капитан тут же возобновил подмотку. Бешеный рывок, и опять визжит катушка.

Минут десять продолжалась эта схватка. Вроде умаялся, выдохся таймень, но у самого берега вновь забился, забушевал красноперый богатырь. Обессилев, в конце концов вытянулся серым бревнышком на траве.

– Кто тут говорил, что на железку не позарится? – победно хмыкнул Михайлыч, сдерживая ликование. Оценивая вес, поднял добычу за жабры: – Килограммов четырнадцать потянет.

Хоть и немало их было на счету капитана, он смотрел на тайменя так, словно видел его впервые. При этом ласково поглаживал дымчатые, с черными крапинками бока и темно-бурую мускулистую спину:

– Красавец, красавец! Недаром красулями зовут. А хвост-то, хвост! Какая яркая кайма! Это ж чудо!

– Да уж! Хорош! – согласился Егорка, облизываясь в предвкушении наваристой ухи.

Пока Корней с Географом разделяли трофей, а Егор «кочегарил», возбужденный капитан ходил кругами:

– Эх, мужики! Вам рыбашника не понять. Хотя я на своем веку не один десяток тайменей взял, радуюсь каждому, словно впервой. А все почему? Потому что по силе, быстроте реакции и уму этой рыбе нет равных. Никто под водой и на воде не уйдет от него: ни зверюшка, ни птица, ни рыба. Потому и жирен, как сом. Только жир у него не под кожей, а равномерно по всему телу. Оттого мясо во рту просто тает и оно не похоже на рыбье. Скорее, что-то среднее между ягнятиной и телятиной. Сам я в таймене больше всего люблю голову. Такая вкуснятина – язык проглотишь!

Жаль, что растут медленно: за год всего десять сантиметров. К пяти годам – полметра. В двенадцать чуть больше метра.

– Выходит, этому годков пятнадцать, – прикинул Николай.

– Не меньше... Пока тут возитесь, пойду малость побросаю.

Минут через пятнадцать подсек еще одного. Вываживал недолго – таймешек оказался средних размеров. Зато скакал по воде, опираясь на мускулистый хвост, с узором красноватых пятен, пытаясь вырваться из невидимой узды, как породистый скакун. Окинув «танцора» критическим взглядом, Михайлыч отправил его на вырост.

– Не понимаю тех, кто мелочь берет. Так ведь и реку обезрыбить можно.

Заметив, как загорелись глаза Корнея, протянул ему спиннинг:

– Спробуй, хлебни хмельку рыбацкого счастья, покуда уха варится.

Опыта у Корнея бросать блесну не было, поэтому, чтобы не зацепить ветви черемухи, он перешел на далеко вклинившийся в русло столообразный камень.

Первый заброс получился неуклюжим, даже с небольшой бородой. Однако уже после третьей попытки Корней метнул блесну точно туда, куда целился. «Обстреляв» всю яму от края до края, прошелся по стремнине – ни одной хватки.

Это еще больше раззадорило его. Он прицепил вместо блесны-ложки свою испытанную наживку – искусственную мышь, представляющую собой слегка вытянутую деревяшку, обтянутую бархатистыми шкурками с белых лапок. Внизу кусочек свинца для устойчивости. Сзади мощный тройник на карабине.

От костра донесся голос Егора:

– Уха готова! Разли-ваа-ююю!

– Иду, иду, – откликнулся Корней и торопливо забросил обманку поперек течения.

Плывет она поверх воды, и кажется, будто через реку переправляется то ли крупная мышь, то ли бельчонок. Один заброс, другой. На третий из черной глубины что-то выметнулось. Вода вспучилась. Тугой удар хвоста был столь силен, что от всплеска мужики привстали поглядеть – что там?

– Осторожней, дружок, не пугай людей, – тихо, словно боясь упустить, уговаривал Корней тайменя.

Туго натянутая жилка трепетала, отзываясь на каждое движение рыбины. Подматывая леску, скитник трижды подводил ее к берегу так, что выступала из воды не только голова, но и спина. Однако всякий раз, оказавшись на мелководье, таймень делал мощный рывок и вновь уходил на глубину. Рывки были столь сильными, что Корней едва удерживался на ногах, а при могучем потяге его буквально пригибало к воде.

Катушка визжала, леска жгла кожу на пальцах. Временами натяжение ослабевало. Это таймень, пытаясь освободиться, начинал кувыркаться, делать свечи. Сквозь фонтаны брызг факелами мелькали малиновый хвост и алые плавники.

В четвертый раз подтянуть тайменя к берегу не удалось – обломив крючок, речной гигант все-таки сошел с тройника.

Капитан, сидя на палубе в продавленном кресле, встал и сочувственно развел руками:

– Жаль! Пожалуй, больше моего был. Но ты больно не замичуривайся. Ведь именно такие моменты и запоминаются на всю жизнь. Куражу-то с избытком поимел!

Заправленную черемшой уху есть устроились на толстом слое хвои, нападавшей с кедра за многие годы. Этот исполин живет так долго, что боковые ветви уже сами стали толщиной со взрослое дерево. Ветра скрутили, изогнули их так, что они теперь напоминали перевитые венами руки старика.

Когда от костра остались лишь пышущие жаром головешки, Корней сдвинул их в сторону, а в золу зарыл обмазанных глиной хариусов. Капитан достал из своего сундучка армейскую фляжку. Скитник сразу предупредил «Я не пью».

Михайлыч отреагировал спокойно:

– Дело хозяйское.

А Егорка дурашливо хохотнул:

– Нам больше достанется.

Разложив сваренную рыбу по мискам, выпили. Похлебали наваристой ухи. После чего Михайлыч ударился в воспоминания:

– Я вот, ребята, первую встречу с тайменем помню до мелочей. Случилась она в аккурат в День пионерии. Наш катер забрасывал партию в верховья Зеи¹⁸. Пока поднимались, столько историй про него наслушался, что и самому захотелось потягаться с этой царь-рыбой.

Тогда спиннингов не было и в помине – хищную рыбу старым пошибом, как и ты, на мыша ловили. Пристали к берегу, на котором геологи решили полевой лагерь разбить. Чуть ниже зудит шмелем студеный ключ. В таких местах таймень любит промышлять. Начальник партии весь вечер на сливной яме мышью их соблазнял, да без толку. Я загорелся – вот бы

¹⁸ Зея – крупный левый приток Амура.

первым словить и всех восхитить. Начальник мужик нормальный – разрешил своей закидушкой попользоваться.

Едва начало светать, я уж на каменной гряде посреди русла. Гладь плеса вся в махоньких кружках – рыба мелкота резвится, а на яме не шелохнет. Но лишь коснулись воды первые лучи, она ожила. Что тут началось! Не вообразишь, как таймени куражились: прыгали свечами, сгибались крутыми дугами и с оглушительным плеском шлепались в воду, водоворотили круги, били хвостами¹⁹. Один ловкач вымахнул так высоко, что дважды перевернулся в воздухе. Другой перекусил пополам выскочившего губаря и не стал даже подбирать половинки. Вся рыба в панике под коряжины забилась.

Я так засмотрелся, что чуть не забыл, зачем пришел. Спихватился – начальник-то скоро встанет, и поскорей метнул «мышь» на середку. Только стал подтягивать – рывок. Сначала несильный, опосля как дернет – чуть с камня не слетел. От счастья обезумел. Ору во все горло: «Таймень! Таймень!» Ору и вдурную выбираю лесу на себя. Куды там – упирается, все в глубину тянет. А как понял, что на привязи, принялся выпрыгивать да всяческие кульбиты крутить. Потом вдруг ринулся поперек течения, прямо к шивере. Там на мелководье, язва, и сорвался. Почувствовав свободу, смастерил свечку и помчался глассером – чуть ли не на брюхе, оголив лоб и темя. Под конец зарылся в воду, а пенный след за ним все тянется и тянется. А я стою и смотрю, словно замороженный. Народ, разумеется, от моих воплей проснулся, высыпал на берег и, затаив дыхание, наблюдал всю эту картину. Когда рыба сошла, все аж застонали. А начальник партии похлопал по плечу:

– С боевым крещением! Не горюй! Таймень соперник серьезный, нахрапом не возьмешь. С ним «играть» уметь надо...

Михайлыч задрал голову и, глядя на улетающие во тьму искры, замолчал, что-то вспоминая. И вдруг, прокашлявшись, запел густым приятным баритоном:

В Цусимском проливе далеко
Вдали от родимой земли,
На дне океана глубоко
Забытые есть корабли.
Там русские спят адмиралы
И дремлют матросы вокруг...

Закончив, произнес, не сводя глаз с огня:

– С молодости люблю эту песню.

– Так вы на флоте служили?

– А то! Море до того по душе пришлось, что остался на сверхсрочную. Двадцать один год на Тихом отходил. Дослужился до старшины мотористов тральщика 17-го дивизиона 113-й бригады Сахалинской военно-морской базы, – по-военному отчеканил Михайлыч. – На Сахалине и женился на медсестре нашей санчасти. Когда в пятьдесят третьем демобилизовался, устроился в Амурскую флотилию – уже не мыслил жизни без воды. У нас тогда уже двое пацанов было. В пятьдесят четвертом завербовался на Лену. Жена родом с Хандыги, она и уговорила. С тех пор гуляю то по Лене, то по Алдану.

– Михайлыч, выходит, вы с японцем воевали, – сообразил Николай.

– А то!

– Об этой войне мало что известно. Может, расскажете, как там было?

– Чего рассказывать? Война дело страшное, неинтересное... Самым мучительным было постоянное ожидание боевой тревоги с того дня, как немцы напали. Все были уверены, что

¹⁹ При описании ловли тайменей использованы и наблюдения геолога, заядлого спиннингиста Петра Сигунова.

и япошки вот-вот полезут. Однако побоялись самураи – после Халхин-Гола знали нашу силу. Четыре года с гаком в таком напряжении! Лишь в сорок пятом в ночь с 9 на 10 августа прозвучал наконец сигнал к бою. Всех, помнится, охватило чувство воодушевления, хотя каждый понимал – кому-то не дожить до победы. Но все мечтали отомстить за позор Цусимы.

Нашему тральщику была поставлена задача высадить десант на причалах Отомари. Сейчас это Корсаков. Овладеть портом и соединиться с высадившейся на севере бригадой морской пехоты. Задачу выполнили. Не помогли япошкам ни бетонные доты, ни заграждения.

После войны гоняли японских и корейских браконьеров. Это были времена, когда с нарушителями границы не церемонились: ворваться в радиорубку и разбить рацию было делом чести, а в случае сопротивления сразу открывали огонь на поражение. Все четко и доходчиво. Порядок махом навели... Да, были времена... Что-то я разговорился. Давай, Егорка, по последней и спать.

Ночью затаившийся в углях огонь пробрался сквозь толстый слой хвои к пустотелой сухостоине и проник через выщербину в комле в ее нутро. Трухлявая труба вспыхнула сразу, словно начиненная хорошим зарядом пороха. Ствол загудел, задрожал, будто ракета на старте. Поначалу из него роем летели только крупные искры, но через пару минут выметнулся язык пламени. Все бы ничего, но порывы ветра вытягивали его в сторону разлапистых кедров. Еще немного, и ближняя крона вспыхнет факелом, и тогда верховой пожар пойдет стеной.

Корней не растерялся. Схватил котелок с остатками чая и плеснул на огонь. Пламя чуть осело, а когда он прикрыл дыру спальником, огонь и вовсе присмирел. Чтобы исключить повторения возгорания, слежавшуюся хвою вокруг костра сняли до земли, а комель и выщербину, залив водой, еще засыпали землей. С часик подождали – не полыхнет ли повторно. К счастью, труба подымила, подымила и заглохла. Единственной потерей от несостоявшегося пожара было обугленное пятно на спальнике Корнея.

Едва заалел горизонт, скитник уже стоял на берегу со спиннингом. Сделал с полсотни забросов, но все впустую. «После вчерашнего осторожничают», – решил он и без всякой надежды бросил последний раз. Торопливо подтягивая мышь, заметил, что рядом с ней по воде пошли усы. Пригляделся. Чуть в стороне плыло, лениво шевеля хвостом, некое подобие акулы. В воде рыбина казалась такой громадной, что скитник невольно поежился. Увидев человека, таймень развернулся и, закрутив взмахом хвоста глубокую воронку, ушел на глубину. Грамотный волчара!

Тем временем утренний туман сгустился так, что уже метрах в семи воды не было видно. Ничего не оставалось, как вернуться на буксир. Всем было очевидно, что плыть в таком молоке нельзя. Стараясь расшевелить страдающего от похмелья и безделья капитана, Корней подступился к нему с расспросами:

– Михайлыч, вот вы вчера рассказывали, что жена с Хандыги. А сами откуда?

– Не поверишь, оттуда, где и речки-то не было – с Тамбовской губернии. Земля там бедная, урожаи скудные. А семья большая, мал мала меньше – в те времена не грешили, рожали сколь Бог пошлет. Посему в 1913 году родители надумали перебраться в Сибирь. Мне тогда шесть лет было. Получили переселенческое свидетельство, подъемные и в специальных теплушках, их называли столыпинскими, покатали со всем своим немудреным скарбом в неведомые края.

В тех вагонах задняя половина была отгорожена. В ней люди везли инвентарь, коз, овец, кур. Добирались полтора месяца. На Зее нам отвели 30 десятин²⁰. Уже на месте сделали деревянные бороны, телегу. На казенное пособие купили две лошади, корову. А за счет ссуды построили дом. Помнится, сосны, дабы дом долго стоял, в разное время пилили. Для стойко-

²⁰ Десятина соответствует 1,09 гектара.

сти от огня все какой-то особый день поджидали. Какой точно, уж запомнил. А вот на пол, помню точно, деревья валили только при убывающей луне.

К следующей зиме амбар, хлев, конюшню поставили. Опосля ригу с соломенной крышей для сушки снопов хлеба и при ней гумно для обмолота. Между гумном и дворовой изгородью – огород. На нем матушка с девчонками овощи сажали. Картоху отдельно, на дальнем краю.

Только сейчас, с возрастом, стал понимать, каких трудов все это стоило старшим. Ведь строили без чьей-либо помощи. Токо отец, дядя и дедушка. А кроме стройки надо было еще валить лес, вывозить его из тайги; выращивать хлеб; готовить сено для скота. В общем, досталось им с верхом. Иные не выдерживали, возвращались обратно. В основном те, кому участки достались в низинах. У них Зeya в августе каждый год заливала поля, а стога так и вовсе уносила.

Революция и Гражданская, слава богу, прошли в стороне. А вот черная оспа не миновала – кто-то занес. Тогда полдеревни на погост свезли. В нашей семье четверо заболели. Лежали, покрытые черно-синими струпьями. Бредили от температуры. Ничего не ели. Только пили. Самая младшая померла. У остальных, как и у меня, на лицах на всю жизнь остались отметины.

Раскулачивания, слава богу, избежали. Хотя, какие мы кулаки? Все своим горбом, без найму. Отец – молодец – все без спору сразу сдал в колхоз. Благодаря этому не тронули, оставили жить в дому, а у остальных крепких, что в колхоз не пошли, подчистую забрали и самих сослали незнамо куда.

* * *

Небо затянуло. Потихоньку закрапало. Без солнца сразу резко похолодало (это отличительная особенность районов вечной мерзлоты). Ближе к вечеру бросили якорь у узкого, словно прорубленного, угрюмого ущелья, из которого вытекала хрустальной чистоты речка.

Перед тем как соединиться с Алданом, она рассыпалась перламутровым веером по гальке. Между рукавчиками – островки, заросшие красноталом. Листочки ярко-зеленые, с черными крапинками.

Капитан с выбором места для ночевки не прогадал. Егор еще не успел обмотать ствол сосны швартовым канатом, а Михайлыч уже вытягивал на берег тайменя с раздутым брюхом. При вскрытии выяснилось, что этот обжора проглотил белку, чирка и налима. А теперь еще и на железку позарился.

Когда по мискам разложили куски вареной рыбы, к стану подбежал горностаив в бурой летней шубке – учуял разбойник поживу. Капитан кинул ему жирный плавник.

Егор, опустошив очередную миску, вытянулся на лапнике и, поглаживая тугой живот, пропел:

– Так наелся и напился, что хрен за ногу завился.

Завершили ужин несколькими кружками чая, заваренного на смеси брусничных и смородинных листьев.

На ночь оставшиеся продукты, от греха подальше, подвесили на сучок (в лесу хватает желающих попользоваться дармовщиной), и разлеглись у костра.

Первым заговорил капитан и, как всегда, про рыбалку:

– В устье Гонама есть громадная ямина. Так я в ней как-то за вечер семь тайменей взял. У одного на голове три шрама, а на месте глаз – углубления, заросшие кожей, – слепой был. Орлан, похоже, постарался.

– Вы что, сетью ловили?

– Отнюдь, на блесну. В том-то и загвоздка – непонятно, как этот безглазый блесну заперленговал?

– Наверное, на колебание блесны ориентировался.

– Он вообще был какой-то необычный – когда я выволок его на берег, захрюкал, словно кабан. Все молча рты разевают, а этот все что-то сердито лопочет. И долго так.

– А у нас на Глухоманке тайменей нет. Зато харюзов немерено. Мы их петлей наладились ловить.

– Как это?

– Проще простого. С берега высмотришь, где стоят – они у холодных сливов любят собираться. Выберешь покрупней и петлю на длинном шесте со стороны головы осторожно заводишь. Как только дойдешь до плавника, резко вверх дергаешь. Этому меня мой дядя Бюэн, Царствие ему Небесное, научил, – осенил себя крестом Корней.

– Корней Елисеевич, вы без конца креститесь. И сейчас вот, и перед едой, и после еды, перед сном и после сна – вы что, в самом деле верите в Бога? – решил наконец задать давно волновавший его вопрос Егор.

– Как можно в Него не верить? Он ведь Отец всему сущему. Все мы Его дети и живем под Его присмотром. А крещусь, потому как крестное знамение особую силу имеет... Вот как-то зимой в пургу заплутал – Сатанил все сбивал. Думал, конец мне. Осенил себя крестом, постоял, помолился, и в голове прояснилось. Это Он вразумил куда идти. Испробуй – убедись, насколько крест животворящ. Только креститься надо с глубокой верой и страстным чувством, а не просто рукой махать. Тогда Отец Небесный услышит. Коли без веры – пустое дело.

– Он, может, и отец, да мы уж больно своевольные дети. Мне думается, сотворение Им рода человеческого – ошибка. От нас один разор. Никому житья не даем, – пробурчал капитан. – Звери, даже самые хищные, и те своих не трогают, а люди друг друга тысячами, а то и миллионами убивают. Все вокруг крушат, гадят.

– А нас и в школе, и в мореходке учили, что религия – дурман. Мол, Бога выдумали специально, чтобы народ в повиновении держать.

– Егор, у тебя отец есть?

– Да.

– Ты его слушаешься?

– Конечно! Отец ведь.

– А Господь наш всеобщий Отец. Он дал десять заповедей, по которым следует жить, чтобы быть счастливыми. Некоторые из них нас ограничивают. Но ограничивают, дабы уберечь от греховного деяния. Вот, к примеру, есть заповедь – не убий. Ежели ее не соблюдать, тогда каждый сам будет решать: этот человек что-то мне не по нраву, убью-ка я его. Ты что, это считаешь правильным?

– Ну вы и сказанули!

– Так о каком слепом повиновении ты говоришь? Без страха Божия мир рухнет. Сатана одолеет. В Евангелии прямо сказано: «Страхом Господним уклоняется всяк от греха». Только слова «страх» и «уклоняется» следует правильно понимать. Это не Бог человека отводит, а сам человек уклоняется, стыдясь предстать перед Отцом плохим.

– Так иногда сложно понять, что хорошо, а что – плохо.

– Создавая нас, Он и это предусмотрел. Чтобы мы могли отличить греховное деяние от праведного, совестью нас наделил. Ежели согрешишь, совесть покою не даст – всегда на то укажет. Живи, как она подсказывает, и все будет ладно. Когда в человеке начинает преобладать греховное, душа болеет, страдает. То совесть не дает покоя.

– Выходит, совесть – это голос Бога в нас?

– Молодец, Егор! Верно понял.

– Еще я заметил, креститесь вы не так, как моя бабаня. Вы что, раскольник?

– Егор, мы не раскольники. Мы как раз последователи неправедного Писания. Храним то, что изначально Христос людям завещал. Раскольником был патриарх Никон. Это он ради

своего возвеличивания переписал, искажил каноны, утвержденные на Вселенских соборах. Тем самым расколол не только православную веру, но и народ.

– Я в Усть-Куте недавно видел таких же, как вы, мужиков с бородами. На пароход сядились. Рослые, немногословные, штаны заправлены в сапоги. В домотканых рубахах с глухим воротом. Веревочками подпоясаны. А у женщин платье до пят, на головах платки. Еще подумал, странные какие-то, артисты, что ли?

– Похоже, то наши были. Стараемся и в одежде сохранять обычаи предков. Вот идет человек в косоворотке и с пояском, и сразу понятно – одноведец.

Русло Алдана раздваивалось. Речные знаки указывали, что идти следует по левому рукаву, но капитан задумал пройти по правому. По рассказам тех, кто ходил по нему прежде, там обитают самые крупные на всем Алдане таймени. Но после того, как там в водобоине разбились подряд два судна, по пароходству вышел приказ, запрещающий заходить туда.

– У меня последний рейс – больше шанса не будет, – объявил Михайлыч, сворачивая.

Протока на всем видимом протяжении текла по первости прямо: ни крутых излучин, ни ям. Капитан расстраивался – где же рыбачат? По берегам темно-зеленые конусы елей. Их мрачность подчеркивала белизну стволов редких берез. С макушки одной отсчитывала года избавившаяся от материнских забот кукушка.

Впереди, метрах в двухстах, разглядели медведя – громилу необычной рыжей окраски. Он брел по узкому берегу и, переворачивая камни, слизывал с них ручейников. Услышав рокот мотора, поднял шарообразную голову с крохотными глазками и с любопытством разглядывал невиданное чудище. Когда буксир оказался напротив, отважно поднялся на задние лапы, вздыбил шерсть так, что стал еще крупнее, и грозно рявкнул. После чего не торопясь, с достоинством хозяина этих мест, в два прыжка заскочил на обрыв и скрылся в чаще.

Дальше русло стало загибаться, а берега сходиться. Вода закучерявилась, заплясала гребешками. Донесся подозрительный гул. Он с каждой минутой нарастал. Скорость течения заметно возросла, и капитан перешел на самый малый.

Когда вновь вышли на прямой участок, стало понятно, отчего такой гул: русло упиралось в стену с чернеющими в нижней части глубокими полостями. Река, врезаясь в нее, исчезала в промытых каналах.

Течение ускорилося так, что на смену веселым завитушкам пришли тугие конусы водоворотов и стоячие волны. Судном стало трудно управлять, да и непонятно было куда вырливать?! Назад – поздно, а к отвесным берегам не пристать.

«Неужто конец»? – мелькнуло в голове Корнея.

– Господи, спаси и сохрани! Господи, спаси и сохрани! – безостановочно шептал он, осеняя себя крестным знамением.

Стена совсем близко. Волны перед ней сшибались в беспорядочной толчее. Еще несколько секунд, и буксир врежется в скалы. Неожиданно слева показался узкий просвет. Побагровевший капитан непоколебимой глыбой сторбился над штурвалом и, преодолевая чудовищное сопротивление воды, что есть силы закрутил его. Буксир, рассекая задраным носом кипящие буруны, вырвался из бьющего в стену потока, лишь слегка чиркнув бортом о скальный выступ. Напоследок его окатило отбойным валом и выплюнуло на плес. Здесь река успокаивалась и текла уже умиротворенно. Зеркальная гладь почти без искажений отражала склонившиеся ветки черемухи.

Вся эта крайне опасная ситуация длилась не более минуты, но эта минута показалась всем вечностью.

Михайлыч облегченно выдохнул:

– Простите, мужики! Дернул бес.

Заметив, что у Егора мелко дрожит челюсть, добавил: – Чего зубами клацаешь? Пронесло ведь.

– Думал – кранты! – попытался улыбнуться матрос.

– Да уж! На волоске были. Сам малость струхнул. Зато будет что вспомнить.

Корней, не обращая внимания на их разговор, опустил на колени и, истово крестясь, принялся благодарить Господа за чудо спасения, повторяя:

– Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!

– С тобой и впрямь в Бога поверишь. Молитвы твои, похоже, не зряшные.

– Господь милостив. Но и вы мастерски вырулили.

Польщенный Михайлыч задрал подбородок, мол – знай наших!

Плес заканчивался, и капитан, высмотрев по правому борту бурунистый приток, вытекавший из заваленной обомшелыми стволами теснины, направил буксир к нему.

– Поглядим, поглядим, каковы здесь хваленые таймени.

Буксир, подняв тугую накатную волну, боднул берег сразу за устьем. Судя по старым, уже заплывшим затесам, место это в прошлом было популярно у рыбаков. Ниже крутило огромное улово. В нем медленно и тяжело ходила по охватистому кругу черная вода.

Оттягивая сладостные минуты ожидания борьбы с сильной рыбой, решили прежде попить чайку. Собрали в кустах застрявшие в паводок сухие ветки. Пока Егор с Николаем занимались костерком, Корней пошел к устью набрать воды.

Подойдя, обомлел – в холодных струях нежилось, чуть шевеля плавниками, огромное «бревно». По мощному туловищу, лобастой голове и просвечивающему сквозь воду малиновому хвосту сразу определил – таймень. Он нагло рассматривал подошедшего неподвижными, как будто стеклянными глазами. Какое властное очертание рта! Какой царственный и грозный взгляд! По голове Корнея невольно забегали мурашки.

Таймень неожиданно придвинулся поближе.

«Ишь ты, любопытный!» – успел удивиться скитник, а рыбина, развернувшись, уже торпедой неслась к улову. Перепуганная мелочь веером разлеталась в разные стороны. Недолгие всплески, юркие воронки, и все стихло.

Ошалевший Корней в три прыжка взлетел на буксир, промычав капитану что-то нечленораздельное, схватил спиннинг и с ходу забросил блесну в центр ямы.

Таймень взял сразу и резко. Несколько раз ворохнулся и успокоился. Поплыл вслед за подтягиваемой леской эдаким послушным топляком, лишая Корнея удовольствия борьбы. Лишь изредка лениво упирался. Но когда его выволокли на берег (к счастью, пологий), он, поняв, что над ним нависла смертельная угроза, показал всю свою мощь: ударяя мускулистым хвостом, долго прыгал, выгибался серпом, расшвыривал гальку и никак не давался обступившим его людям.

Когда, наглотавшись воздуха, великан присмирел, мужики смогли полюбоваться на него.

Широколобая округлая голова, занимающая четверть тела, немного сплюснута, только не с боков, как у щуки, а сверху вниз, как у сома. Громадная пасть усеяна крепкими крючковатыми зубами. По расцветке он отличался от предыдущих: спина бархатисто-коричневая, бока серебристо-зеленые в живописной россыпи темных пятен. Нижние плавники и внушительный хвост в ярких оранжево-красных мазках.

– Вот это да тебе!! Бери кисть и рисуй! – восторгался капитан.

В этот раз уху варили лишь из головы. Больше ничего не уместилось. Остальное Михайлыч разрубил и большую часть, натерев солью, отнес на буксир и уложил в бочонок под гнет. Оставшиеся куски, насадив каждый на заостренные развилки веток, зажарили. Вытапливаемый жир, падая на раскаленные угли, с шипением вспыхивал короткими язычками пламени.

– Люблю смотреть на костер. Он завораживает. Наверное, поэтому в древности люди поклонялись огню, – задумчиво произнес Николай.

– А я, когда гляжу на беготню язычков пламени, отрешаюсь от всего, – добавил, вытирая губы тыльной стороной ладони, капитан.

– У костра еще хорошо мечтать, особенно после такого вкусного тайменя, – не преминул вставить свое слово Егорка, облизывая губы.

Корней, сидевший чуть поодаль и не участвовавший в разговоре, доел поджаренный, сочащийся жиром шмат тайменя, тщательно вытер травой руки и, перекрестившись, прочитал молитву.

– Дядя Корней, вы постольку раз на дню молитесь. Неужто не надоедает? – повернулся к нему Егорка. – Разве одного раза недостаточно?

– Человек, чтобы жить и двигаться, на дню два-три раза принимает пищу. Нашей душе тоже необходима пища – молитва. Чем чаще молишься, тем душа здоровей, а дух крепче.

– Елисеевич, – подключился к разговору капитан, – скажу честно, я мало разбираюсь в религии. Многого вообще не понимаю. С одной стороны, говорите, Бог един, а сами всякий раз троих поминаете. Растолкуй эту нестыковку.

– Как бы подступней объяснить... Вот, есть вода. Обычно она жидкая, но может быть твердым льдом и паром. Так и Господь, он один, но существует в трех ипостасях. Понятно?

– Честно говоря, не очень.

– Тогда могу Его сравнить с Солнцем, которое одновременно и шар, и тепло, и свет. И все это не может существовать по отдельности друг от друга.

– Так, может, Солнце и есть Бог?

– В древние века огнепоклонники именно так и считали, но это в корне не верно. Были и те, кто был уверен, что Богом являются вода, земля. В общем, все что угодно. На самом деле все это сотворил один Создатель – Бог.

Ежели по-книжному, Бог неразделим и един по существу, но троичен в лицах: Отец, Сын и Святой Дух. И Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Святой Дух есть Бог, но не три Бога, а один Бог. Три Лица различны между собой по личным свойствам: Отец не рожден ни от кого, Сын рожден от Отца, Дух Святой исходит от Отца.

Небо тем временем помрачнело, налетел ветер, и прямо над головой с оглушительным треском сверкнула молния, ослепившая на мгновение сидящих у костра. Следом хлынул дождь. В мешанине смятых ветром водяных струй без конца полыхали слепящие разряды. Вода в реке на глазах прибывала.

– Сворачиваемся, и на буксир! – распорядился капитан.

– Может, переждем? Гроза раз-два и прошла. На воздухе-то лучше спится, – подал голос Егорка, уже забравшийся под разлапистый кедр.

– Тебе пора бы знать, что вода в этих краях из-за вечной мерзлоты в землю не впитывается, сразу скатывается. Через час нас может просто смыть.

– Так уж и смыть!?

– Стихия не предупреждает. Вон, на Курилах никто и предположить не мог, что их в одно мгновение двадцатиметровым валом накроет.

– Разве такие волны бывают?

– Отставить разговорчики – все на борт, – посуровел капитан.

– Михайлыч, а все же, что за волна там была? – спросил Корней уже на буксире.

– Жуткая история. Даже вспоминать страшно... В пятьдесят втором в ночь с 4 на 5 ноября небывалое цунами смыло с Курил и Южной оконечности Камчатки тысячи людей²¹. Выжившие рассказывали, что вечером наступила странная тишина. С береговых скал исчезли морские

²¹ За три дня до начала этих трагических событий американцы в Тихом океане на Маршалловых островах произвели испытание мощной атомной бомбы, которое, вполне возможно, и спровоцировало сдвиг тектонических плит возле Камчатки.

птицы. Сивучи и другие ластоногие сползли с прибрежных камней и уплыли в открытое море. Никто не придавал этому значения.

Ночью потряхнуло несколько раз. Жители повыскакивали было, обманутые царящим покоем, вместо того чтобы бежать на сопки, вернулись и легли спать. Это потом стали инструктировать: «Услышал толчки – беги в горы». Приехавшие сюда после войны с материка этого не знали.

Первыми обнаружили, что океан неожиданно стал отступать, обнажая дно, пограничники. Вода уходила все дальше и дальше, создавая иллюзию гигантского отлива. Утром отступивший было океан встал на дыбы. Громадная волна смыла не только все живое, но и постройки. В воде перемешались люди, бревна, скот, бочки, военная техника.

Вывернуло из земли даже построенные японцами железобетонные доты. Погибли все пограничники. На Парамушире вода обрушилась на казармы стрелковой дивизии, смыв в море весь личный состав.

Это был настоящий конец света. В живых остались лишь те, кто сообразил бежать в сопки. Когда волна отступила, некоторые стали спускаться в надежде найти близких, но вскоре пожалели об этом. С океана пришла вторая, еще более высокая волна. Она была такая мощная, что перекатилась через низменные участки в Охотское море.

С одного из уцелевших маяков в штаб флота ушла телеграмма о том, что они подверглись ядерному удару. Мир был на грани новой мировой войны. К счастью, все обошлось. Нам поступил приказ идти к островам на самом полном ходу и принять участие в спасении оставшихся в живых.

Помню, с каким трудом отрывали окоченевших людей, вцепившихся в плавающие бревна и прочие обломки. Поднимали их на корабли. Вливали в рот спирт, горячий чай. После укладывали, укутав одеялами.

К сожалению, без мародерства не обошлось. Поэтому было введено военное положение. Патрули, составленные из моряков и офицеров с прибывших судов, быстро навели порядок. Мародеры, грабившие в Северо-Курильске отделение Госбанка, при выходе из подвалов с пачками денежных купюр были тут же расстреляны...

Ночью Корнея преследовал один и тот же кошмар: огромный таймень возится на гальке, но как только он приближается к нему, рыба бьет могучим хвостом, и он летит на скалистый островок, где его накрывает волна...

Вода в реке за ночь действительно поднялась так, что залила кострище.

* * *

Так они и шли, чередуя «полный вперед» с рыбалкой на приглянувшихся капитану яминах. Егор всякий раз недовольно ворчал:

– Опять комаров кормить. Так до зимы не доберемся.

На одном из поворотов в Алдан влилась шумная перламутровая речонка с необыкновенно прозрачной водой. Она километра полтора так и текла, не смешиваясь с водами Алдана.

У капитана на это место были большие планы – он заранее сбавил до минимума обороты и стал готовить снасти. В самом устье внимание всех привлекла парочка милующихся медведей. Звери были столь увлечены любовными делами, что не обращали внимания на приближение буксира.

Эта идиллическая картина так растрогала Михайлыча, что он заглушил двигатель, и судно проплыло мимо, не потревожив парочку.

– Порыбачить не дали, – добродушно проворчал он.

* * *

К Хандыге подошли после полудня. Пришвартовались к свободному причалу.

Перед путниками сразу встал вопрос – на чем плыть дальше? Михайлычу в диспетчерской сказали, что рейсов на север в этом году больше не будет.

– Мужики, на Лену вам выбираться надо – там на севера допоздна ходят. Только вопрос: как?

Вариантов было два: либо вязать плот, либо найти лодку. Решили для начала поискать лодку. Проще управлять, и скорость побольше. Обследовав берег, обнаружили затопленную и наполовину замытую песком посудину – один нос из воды торчал. Когда стали переворачивать, в ней кто-то завозился. Оказывается, ее уже обжил предприимчивый налим. (Неслучайно сибиряки эту рыбу называют поселенцем.)

Лодка была хоть и старая, но еще довольно крепкая. Посушив два дня на солнце, отремонтировали, просмолили гудроном щели. Корней вытесал весла, приладил уключины – их снял с другой, валявшейся вверх дном на берегу и уже наполовину сгнившей.

При расставании капитан дал в дорогу моток лески и бесценную в дороге соль.

– Эх, ребята! Махнул бы с вами, да жене обещал, как сдам буксир, повезти на море в Сочи, – вздохнул он. – Корней Елисеевич, я все спросить хотел, да стеснялся.

Вот вы всегда нам говорили, молись и Господь поможет. Так получалось, что я несколько раз заходил в церковь помолиться об одном деле и никакого проку.

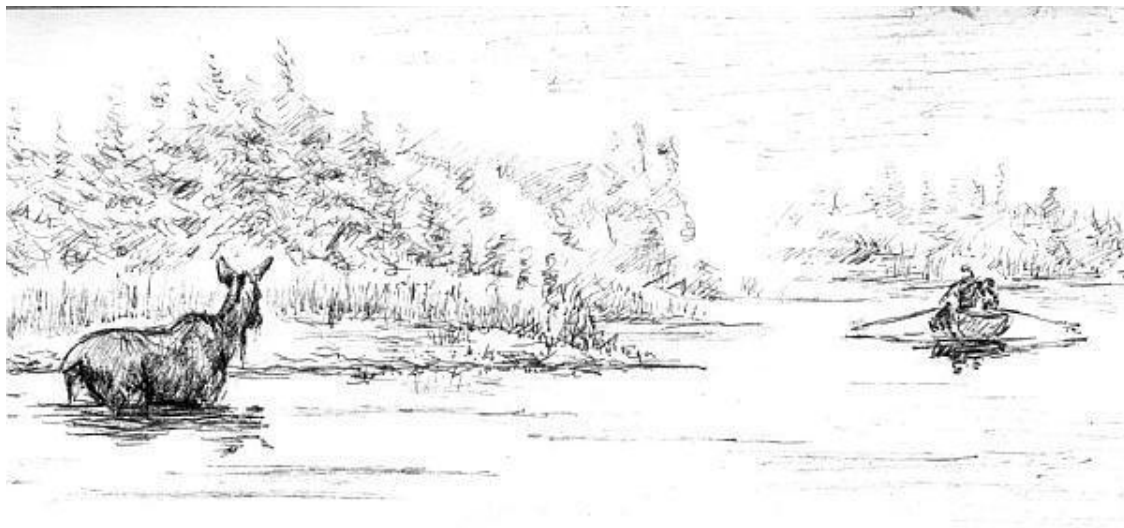
– Я уже говорил: дабы молитва подействовала, надо искренне, от всей души обращаться к Богу и время от времени с чувством повторять ее. С одного раза редко исполняется. Когда просишь со слезами, с верой в Него, Господь слышит и помогает. Ежели, походя, с небрежением, то без толку. А случается, не исполняет, дабы от беды отвести.

Разрезая слюдянисто-серую гладь, Корней сильными гребками вывел лодку на стремнину. Михайлыч провожал взглядом удаляющуюся точку до тех пор, пока она не скрылась за излучиной. Он еще долго стоял на берегу, размышляя о том, как сложится его жизнь дальше. Ведь завтра сдавать буксир и оформлять пенсию. Как бы он ни бодрился, новая жизнь пугала его.

Устье Алдана. Якуты

Скорость на лодке была в разы меньше, чем на буксире. Зато в тишине, не нарушаемой рокотом двигателя, сплавщики в течение дня видели намного больше зверья. Чаще всего это были горбоносые сохатые. Спасаясь от кровососов, они обычно стояли в воде по самую шею. У некоторых лопаты рогов были такие большие, что голову животного от тяжести водило из стороны в сторону. Когда слепни облепляли и морду, они окунали ее в воду. Иные, подергивая шкурой, бродили по отмелям, пощипывая сочную траву. Самые любопытные, поглядывая на проплывавших людей, подпускали метров на тридцать. Более осторожные, увидев лодку, сразу убегали своей характерной размашистой рысью, гордо вскинув голову.

Встречались и медведи. Однажды путешественники чуть не прослезились от умиления, наблюдая, как пестун моет сеголетка. Плеснет на него водой и елизит лапой то по туловищу, то по морде.

А как-то проплывая рядом с берегом, услышали ворчание, перешедшее вскоре в частое сопение. Сквозь сито жидкого ивняка проступали бурые силуэты. Это развлекались медведь с медведицей. Заметив людей, хозяин тайги поспешил скрыться в кустах – застеснялся.

После полудня обычно устраивали чаевку – самый приятный момент в пути. Пристав к берегу, собирали выбеленный солнцем сушняк, разводили костер и заваривали из трав чай. Во время одной из таких чаевок к плеску набегавших на берег волн добавилось шлепанье лап по воде. Обернувшись, увидели выходящего из-за груды плавника округлившегося от жира мишку. Корней на всякий случай взвел курок. Услышав металлический щелчок, зверь тут же развернулся и опрометью кинулся наутек. Похоже, имел горький опыт встречи с охотниками.

Чем ближе к устью, тем размашистее пойма Алдана. Да и сама река в ширину уже не менее километра. Горы отступили – с обеих сторон равнинная тайга с округлыми луговинами аласов. Русло все чаще разбивалось на протоки с множеством лесистых островов. Над ними неподвижно «висели» кобчики. Они, часто трепеща крыльями, терпеливо высматривали добычу.

Поскольку течение на фарватере поживее, чтобы не сойти с него, придерживались речных знаков.

На берегах замаячили туповерхие балаганы, обложенные понизу дерном. Что странно – возле них ни людей, ни скотины.

В один из дней ветер принес запах дыма. Спустя некоторое время к нему примешался ни с чем не сравнимый конский душок. Вскоре показались и сами пасущиеся на разнотравье табуны низкорослых якутских лошадок. Они были совсем дикие и при приближении лодки сразу убегали, подгоняемые тревожным ржанием жеребца. На деревьях черными гроздьями восседали краснобровые тетерева-косачи. Эти на лодку не обращали внимания.

В заливчике несколько обшитых берестой лодчонок, а на высоком яру с десятков балаганов, дымокуры из лошадиного и коровьего помета. Возле них понуро толпились косматые лошади, в основном белой масти. Мотая головами, они шумно отфыркивались от слепней, пытающихся напиться крови, и оводов, откладывающих под кожу яйца. Животные нервным, резким подергиванием шкуры сгоняли их.

Сплавщики подгребли к косе из плотно спрессованного галечника. Лодка со скрежетом заползла на него. Появление бородачей вызвало в становище оживление. Посмотреть на прибывших вышло почти все мужское население налега: широколицые с приплюснутыми носами, узкоглазые, пустобородые якуты²². Большинство в броднях – мягких ровдужных²³ сапогах, подвязанных узкими ремешками чуть ниже колена. Поверх рубах заячьи жилетки. На головах ситцевые платки, завязанные сзади так, чтобы закрывались от комаров и мошкары уши и шея. Женщины и детишки лишь с любопытством выглядывали из приоткрытых дверей и окошек.

Под кедром на чурбане, застеленном коровьей шкурой, сидел, полуприкрыв глаза и покачиваясь, пожилой якут – глава наследного совета. Чуть в стороне коновязный столб. Рядом три оседланных упитанных мерина.

На земле свежие колобки помета. Эти стоят спокойно, словно им дела нет до кровососов. Насекомых и в самом деле возле них было совсем мало.

Продубленное солнцем и ветрами лицо якута с резко обозначенными скулами испещрено трещинками морщин. Жесты сдержанные, уверенные. На голове густая, еще совсем черная шевелюра (якуты долго не седеют). В зубах короткая носогрейка²⁴, на поясе сумочка с огнивом и табаком. Попыхивая трубкой, он внимательно разглядывал сквозь прорези глаз приближающихся людей, изредка отмахиваясь веткой от оводов. Все в его облике говорило о том, что он здесь главный.

Когда скитники подошли, якут встал:

– Дорова! Пришли! Как имя?

– Я Корней, он – Николай. А ваше?

– Фрол. Я тут старший. Пошли кумыс пить, копсе²⁵ говорить, – произнес он с характерной для якутов медлительностью.

Корней впервые оказался в якутском селении, и с интересом рассматривал их жилища. У каждой семьи два балагана (юрты): зимний и летний. По форме они напоминают усеченную пирамиду. Расположены рядом, дверь в дверь. Стены из наклонно стоящих стволов²⁶, обмазанных глиной, смешанной с конским навозом. Дверь тоже наклонная и утеплена шкурой. Корней про себя отметил: «Разумно – сама закрывается». Над входом «лопаты» сохатого либо ветвистые рога северного оленя. Чуть в стороне – покрытый резьбой столб – коновязь. За балаганами в деревянных колодах с мочой дубятся шкуры.

²² Якуты – самый многочисленный коренной народ северо-востока Азии. Большая часть живет на средней Лене. Отдельные якутские роды живут на Яне, в верховьях Индигирки и устье Вилюя. Несмотря на территориальные разрывы, они сохранили свой язык и культуру.

²³ Ровдуга – замша из продымленной оленьей шкуры. Длительное дымление хорошо дубит кожу. Она не коробится и не грубеет после просушки.

²⁴ Носогрейка — короткая трубка.

²⁵ Копсе — новости.

²⁶ Якутские юрты из-за того что стены у них сложены из вертикально стоящих бревен, еще называют «стоячим домом».

Фрол завел гостей в летнее жилище. По углам четыре вертикальных столба, связанных поверху венцом. К нему и прислонены почерневшие от копоти (особенно сильно у потолка) стволы, образующие стены. В двух местах прорублены оконца. В центре камелек²⁷. – очаг, сложенный из крупных валунов с прямой трубой. В нем тлела пара сырых поленьев, от их углей в любой момент можно запалить огонь. Рядом в коробке кремень и трут.

Слева стол, над ним в полумраке иконка с ликом Христа Спасителя. Перекрестившись, они огляделись. По периметру вдоль стен широкие лавки из толстых плах, разделенные перегородками для постели. Вместо стульев – приземистые чурки, отполированные до блеска штанами. На дощаном полу трое румянощеких мальцов играли с костями. Они были так поглощены этим занятием, что не обратили внимания на вошедших.

Неулыбчивая якутка в мужской шапке с трубкой в зубах, выкраивавшая из конской шкуры подошвы для торбасов, прервала свое занятие и разлила в кружки кумыс²⁸, поставила два блюда. Одно с вареной рыбой, второе с калеными кедровыми орешками. Когда заплакал ребенок, поспешила к зыбке, висевшей возле ее рабочего места.

– Ешьте, ешьте! Это лиимбэ²⁹, – сказал хозяин, бросая в огонь жирный плавник, – сын принес. Полз из протоки в реку. Дождь был.

Ели молча – соблюдали обычай: пока гости едят, расспрашивать не принято. Насытившись, вытерли руки полотенцем. Когда Корней с Николаем осушили кружки с целебным напитком, хозяин придвинул гостям миску с орешками:

– Копсе говорите!

Корней знал, что доставлять в дом новости – долг каждого путника, и стал подробно рассказывать про доброго капитана буксира, про то, что научились ловить тайменя на блестящую железку и хотят доплыть до океана.

Фрол озадаченно захлопал глазами:

– Океан – это кто?

– Океан – это самое большое на Земле озеро. В него текут все реки.

Корней развернул карту.

– Это – река Алдан. Вот тут ваша деревня. Если плыть дальше, попадешь в Лену.

– Лену знаю. Алдан туда течет.

– А еще дальше – океан. Он такой глубокий, что в нем утонет самая высокая гора.

– К его берегам, – подключился к разговору Николай, – весной, спасаясь от гнуса и комарья, уходят на лето олени, а осенью они возвращаются в лес. В тех краях бывает время, когда солнце прячется за горы. Делая круги по небу, светит и днем и ночью.

– Хорошо им. Всегда тепло. Всегда светло.

– Тепло только три месяца. Потом солнце уходит и наступает зима с долгой-долгой ночью.

– Ух ты! А люди там живут?

– Живут, но мало... Фрол, я первый раз вижу якутские балаганы. Можно ли посмотреть зимний? Мы-то круглый год живем в одной и той же избе.

– Пошли покажу, – произнес якут, не переставая щелкать орешки.

Зимняя юрта была поменьше и лучше утеплена. Снаружи обмазана более толстым слоем смеси глины с навозом и обнесена высокой завалинкой. Внутри вдоль стен не лавки, а длинные канны, сложенные из камней, скрепленных глиной. Они подогреваются дымом очага. На этих теплых лежаках зимой не страшны никакие морозы. Снаружи к юрте примыкает хотон-хлев

²⁷ Камелек — очаг в избе, по устройству напоминающее камин

²⁸ Кумыс — питательный и целебный напиток из кобыльего молока. Отправляясь на сенокос, якуты обычно берут с собой пару кожаных мешков с ним, и несколько дней пьют только его.

²⁹ Лиимбэ — ленок.

для коров. (Якутским лошадам хотоны не нужны – они до того привычны к холодам, что в тепле хиреют.)

Утром, когда готовились к отплытию, из леса вышел небольшой караван. В слезящихся глазах передового мерина и во всем его облике читалась обреченность – видимо, переход был крайне тяжелым. Навьюченные лошади шли гуськом, на расстоянии двух-трех метров друг от друга. Связаны они были довольно необычно: задние «привязаны» к хвосту впередиидущей.

Глава семьи – невысокий якут с маленькими усиками на лоснящемся от пота лице, сидел в деревянном седле, обтянутом для мягкости войлоком. Под ним кожаный чепрак – чтобы не натиралась спина лошади. На боку пальма – увесистый нож с длинной деревянной ручкой. Сзади седла приторочен дорожный выюк, в котором все, что нужно в дороге. У идущей следом кобылы выюки по бокам. За ней тянулись остальные лошади и семья племянника председателя наслеха. После завершения главного у якутов праздника возрождения природы Ысыах³⁰ они еще с полмесяца объезжали родственников жены.

³⁰ *Ысыах* (изобилие) – главный праздник якутов, проводимый перед сенокосом. Он символизирует возрождение природы. К нему заранее шьют наряды, готовят национальные блюда: кумыс, быппах, саламат. В центре ритуального круга из берез – коновязь (сэргэ), символ Мирового древа Вселенной. Праздник начинается с танца стерхов. Затем шаман, чтобы изгнать злых духов, произносит заклинания и «угощает» огонь: бросает в него кусочки сала и лепешек. Следом пускают по кругу «чорон» – сосуд с кумысом. В заключение ритуала люди встают в хоровод, символизирующий единение всех присутствующих, и с песней двигаются по ходу солнца.

Лена. «Арктика» в плену. Зимовка

От Хандыги до Лены³¹ доплыли за одиннадцать дней. Алдан в устье был столь полноводен и размашист, что казалось, не он, а Лена впадает в него. Широкая угрюмо-серая гладь устья сливалась с мрачными обложными тучами. На Лене острова пошли еще чаще. Из глубины береговых зарослей доносился голос кукушки. Она вещала все время, пока расстояние не заглушило ее безостановочный счет то ли годам, то ли дням. Корней усмотрел в этом добрый знак.

Раскидистые сосны начала теснить стройная даурская лиственница. По берегам все те же неприхотливые березы, ивы, ольха. На прогалинах краснеет сочная, похожая на лесную малину, только намного крупней, княженика. Завидев ее бросающиеся в глаза россыпи, сплавщики приставали и с удовольствием лакомились, набирая еще и в дорогу. Если бы путникам довелось попробовать ананасы, то они согласились бы, что их вкусы схожи.

После этого начинаются спортивные соревнования: конные скачки, прыжки на одной ноге, прыжки на обеих ногах, прыжки с чередованием ног, стрельба из лука, перетягивание палки, борьба хапсагай – проигрывает коснувшийся земли хоть пальцем. Сказители рассказывают героический эпос олонхо, чередуя его песенными вставками.

И вдруг совершенно фантастическая панорама – настоящая пустыня! По правому берегу широкая полоса дюн из чистейшего песка. Видеть это в северной тайге было чудно. А часа через два еще один сюрприз – отрог, сплошь утыканный узкими кинжалами скал.

На Лене скорость сплава замедлилась. Особенно в тех местах, где русло разбивалось на множество рукавов. Вода в них текла до такой степени плавно, что натянутая гладь отражала берега почти без искажений. Когда начинал дуть встречный ветер, эта идиллия разрушалась, а путникам приходилось грести с большим усилием.

Яма, образовавшаяся за одним из лесистых островов, привлекла внимание Корнея: в многометровой глубине, смазанной завихрениями струй, угадывались черные тени.

– Может, поудим? Давненько не ели свежей рыбы, – предложил он.

– Я не против.

Сбросили один якорь с носа, другой с кормы. На них, как на растяжках, лодка замерла.

Не спеша двинулись по течению поплавок и потащили насадку. Потянулись минуты ожидания поклевки – безмолвного сигнала из неведомого, таинственного мира. Когда леска вытягивалась на всю длину от удилица до поплавок, удильщики табанили наживку к лодке и снова отпускали на волю течения. Рыбаки в такие минуты погружались в особое состояние, при котором человек не хочет, вернее, не может думать ни о чем: все внимание сосредоточено на поплавке – ему важно не прозевать тот чудесный, но краткий миг, когда требуется резко подсечь рыбу.

Несколько забросов, и рыбный пир обеспечен. Пока варили и хлебали уху, ожил ветер. Когда снялись с якоря и вышли на прямой участок реки, он и вовсе разыгрался не на шутку. Вода забурлявила, крупную зыбь сменили нешуточные волны. Лодка то зарывалась в них носом, то взлетала вверх. Чтобы укрыться от его пронизывающих порывов, надели суконные куртки. А ветер все крепчал.

Разошедшиеся волны временами захлестывали в посудину. Пришлось пристать. Заварив чай, озябший Географ сунул в него на пару секунд, для придания дымчатого аромата, горящую березовую головешку. Согретьшись, долго бродили по мари, лакомясь кисло-сладкой, с седоватым налетом голубикой. Здесь она была до того крупная и сочная, что никак не могли

³¹ Лена – Елю, Енэ (эвенк.) – Большая Река.

остановиться. Насытившись, наполнили еще и котелки. Поскольку ветер и не думал стихать, решили тут и заночевать.

Забравшись в спальники, бородачи, пользуясь отсутствием кровососов, с интересом наблюдали за тем, как одинокая косматая туча, похожая на чудовище, раскрыв пасть, бесшумно подкралась к лимонному диску. Луна, блеснув напоследок, исчезла в сомкнутых челюстях, и сразу количество звезд будто удвоилось.

– Звезд нынче, что клюквы на болоте! Ого! Смотри! Смотри! Какая яркая падает! – воскликнул Корней, указывая на огненную полосу, прорезавшую небо.

– Это не звезда, это метеорит – небесный камень. Входя в плотные слои атмосферы, он раскаляется и сгорает. Лишь самые крупные достигают Земли. Вам, наверняка, попадалось в книгах упоминание о Тунгусском метеорите?

– Да, и не раз. Тогда от взрыва ночью стало светло, как днем. Все деревья на десятки километров повалило.

– Вот, вот! Это как раз был несгоревший метеорит, только очень крупный.

В этот момент из глубины леса донесся волчий вой.

– Мяса просит, – по-своему истолковал скитник.

Под утро ветер стих, и полчища оголодавших кровососов набросились на путников. Чужа рассвет, залепетала листва в кронах деревьев. Прогалы между туч серели: были те чудесные, неуловимые минуты, когда ночь переходит в утро. Выплывшее через полчаса солнце, коснувшись лучами вершины скальной гряды, стремительно отбирало у тьмы все большее пространство. Лес постепенно заполнялся радостным щебетом птиц, время от времени перекрываемым пулеметными очередями дятлов.

Русло Лены здесь почти прямое и далеко просматривается. На торчащем из воды камне, не шевелясь и чуть сгорбившись, застыл медведь. Судя по всему, караулил рыбу на завтрак. Действительно, он вдруг гребанул по воде и выкинул на берег рыбину, блеснувшую чешуей в воздухе.

По косе в поисках поживы бегали неутомимые кулички. На выбеленной солнцем валежине размеренно покачивала хвостом хозяйюшка-трясогузка.

Корней, собрав недогоревшие ветки, оживил костерок. Пламя, постреливая искрами, залило покрытое сажей дно чайника.

Из мешка показалась взлохмаченная голова с измятым со сна лицом Николая Александровича.

– Доброе утро, Николай!

– Вот не спится некоторым! – пробурчал тот, зябко ежась.

– Покамест я занимаюсь стряпней, сходил бы рябцов на обед настролял, – предложил Корней, протирая слезящиеся от привязчивого дыма глаза, – вон в распадке рассвистелись. Слышишь?

– Корней Елисеевич, вы меня извините, но в живность стрелять не буду. Зарекся.

– Что так?

– Рука не поднимается. Понимаю, без мяса в тайге никак, но вы уж увольте – зарок Господу дал.

– Чего это вдруг?

– Да, было дело. Одноклассник позвал на охоту. Я прежде ни разу не ходил – не тянуло. А тут, думаю, дай попробую. Идем рано утром по распадку. Туман еще стоял. Он по правому склону, я по левому. Слышу тихий перестук: топ-тук, топ-тук. И тишина. Думал, показалась. И опять пробежка: топ-тук. Уже ближе. Пригляделся – олень. Голова гордо вскинута. Идет прямо на меня. Сердце заколотилось. Поймал на мушку и выстрелил. Дым, ничего не видно. Не утерпел, побежал к нему. А он стоит и на меня в упор смотрит. Я опешил – почему не

убегает? Пальнул еще раз. Тут уж упал, а сам по-прежнему на меня глядит. Эх, лучше б не видел эти огромные карие, как у моей мамы, глаза. В них было столько укора и недоумения, что я почувствовал физическую боль в сердце. Стало так стыдно, что готов был упасть перед ним на колени и просить прощения... С того дня ружье даже в руки не брал. Так что не сердчайте... давайте лучше я буду кашеварить.

– Я тебя понимаю...

Закинув ружье на плечо, Корней отправился в распадок.

Углубившись в чащу, обвешанную серыми прядями лишайника, услышал сиплый звук, похожий на стон. Поначалу не обратил на него внимания – решил, что показалось. Но когда он повторился, остановился, прислушиваясь. Точно! Кто-то стонет и до того жалобно, что скитник невольно направился в сторону, откуда доносился стон. Мягко ступая по опавшей хвое, Корней отводил рукой от лица густые колкие еловые лапы.

Ветер то приближал стон, то удалял. Кедровка, летя зигзагами сквозь лес, выкрикивала скрипучим голосом сигнал опасности. Не щадя себя, она старалась предупредить обитателей тайги о появлении человека.

В одном месте скитник заметил, что мох на валежине содран. Пригляделся – вмятины от копыт, а сбоку медвежьих следы. Вокруг тишина, нарушаемая лишь все отчетливее слышимым стоном. Даже мошка, казалось, роилась перед глазами беззвучно.

Пройдя еще метров двадцать, Корней уперся в подернутую ряской старицу. Посреди нее торчала причудливая коряга. Она вдруг зашевелилась и, издав сиплый звук, стала медленно поворачиваться. Только тут скитник сообразил, что это не коряга, а лосиные рога. Животное, пуча от ужаса глаза, уже почти целиком погрузилось в вязкую трясины. Жалко было сохатого, но помочь ему Корней не мог.

Расстроенный, даже не вспомнив о рябчиках, он вернулся в стан и рассказал Николаю о случившейся трагедии.

– Вот чудак – чего в топь-то полез? – удивился Географ.

– Похоже, не по своей воле. Судя по следам – медведь гнал. Вот и рванул напрямки.

* * *

Уже две недели, как путешественники плывут, мерно поскрипывая уключинами, по величественной Лене. Левый берег низкий, а правый – довольно высокий, местами почти отвесный. Тут хорошо потрудился камнетес-ветер. По слоям каменистых обнажений, как по книге, можно было прочитать все геологические периоды этих мест. Особенно живописно смотрелись участки, украшенные известняковыми останцами. В одном месте их цепочка представляла собой вереницу слоистых колонн, испещренных трещинами. Колонны эти были до того тонкими, что чудилось, дунет ветер – переломятся. С вершины одной из них взлетел беркут и, поймав восходящий воздушный поток, закружил, оживляя небесную пустоту над лодкой.

Погода баловала: все дни ни облачка. Правда, по ночам холодало так, что к утру трава покрывалась инеем. Вода в реке посветлела, остудилась.

За все это время ни одно судно не обогнало их, а вот навстречу прошли пять или шесть. Выполнив северный завоз, они возвращались на зимовку в порта приписки.

– Поздно вато мы вышли, – сокрушался Корней.

На одном из пароходов везли партию заключенных. Офицер прокричал с палубы: «Кто такие?»

– Рыбаки.

– Фамилия, имя?

– Кузовкин Корней Елисеевич.

– Стерхов Николай Александрович.

– Ты вроде с Нижнеянска?

– Да.

– А что на Яне рыба перевелась?

– Так у нас тайменей нет.

– Ну и как? Поймали?

– Пока нет. Видать, еще не скатился.

Когда пароход поравнялся с ними, офицер разглядел лежащий рядом с Корнеем протез. (Гребли по очереди, и скитник, чтобы давать отдых культе, отстегивал его.)

– Так ты одноногий?

– Вроде того. Но рыбалке это не мешает.

Офицер еще что-то прокричал, но пароход уже удалился, и сплавщики не поняли, что именно.

Весь вечер и всю ночь лил холодный дождь. Стало зябко и тоскливо. Вступала в права ненастная слезливая осень. Приунывшие путники отсиживались в палатке, слушая под завывание ветра как барабанят по парусине тяжелые капли. Зато теперь появилась возможность часами выковыривать орешки из набранных во время обеденных стоянок двух мешков кедровых шишек. Корней любил есть их не по одному орешку, а сразу жменей – отец приучил.

Очистив от скорлупы полную кружку, съедал ее содержимое в несколько забросов. Тщательно разжевывая ядрышки, с наслаждением глотал сытную массу. После очередной порции неожиданно спросил:

– Николай, ты что больше любишь – осень или весну?

– Интересный вопрос... Каждая пора по-своему хороша. Осенью и весной даже настроение совершенно разное. Весна – надежда, обещание. Осень – спокойствие, грусть. Время, когда все достигает пика зрелости. А «плачет» она, как мне кажется, оттого что ей не хочется уступать место зиме.

– Но все же тебе-то что больше по душе?

– Пожалуй, весна.

– А мне осень. Я себя осенью даже чувствую по-другому, более счастливым, что ли.

Встали, едва посерело небо. Позавтракали, упаковали вещи. Спустившись к реке, остолбенели: лодки не было. Поднявшаяся вода подмыла берег, и дерево, к которому она была привязана, унесло течением. Хорошо, что в ней ничего кроме весел не лежало.

– Вот это сюрприз: лапки кверху, мордой вниз! – присвистнул Николай.

– Слава Богу, с вечера не поленились, подняли все наверх, – перекрестился Корней. – Если судов на север не будет, придется искать оленных эвенков и договариваться с ними о переходе на Яну, а там уж на плоту.

– Не знай, не знай. Пока найдем эвенков, пока перевалим к Яне, она в горах уже встанет, – засомневался Николай. – В нашем положении самое разумное – идти до первого селения и проситься на зимовку.

– Пожалуй, ты прав. С Яной я погорячился. Давай посмотрим, что тут поблизости у нас.

Корней развернул карту:

– Мы сейчас вот здесь. Скоро должно быть устье Ундюлюнг, а через километров семьдесят Харалах. Речки немалые, люди там наверняка живут.

На следующий день, взойдя на холм, путники увидели разбросанные в беспорядке избы. Судя по взъерошенным, гнущимся на ветру дымам, жилые. Ободренные бородачи прибавили шаг. Благо, тропа, идущая вдоль берега, становилась все шире и нахоженней. Вскоре в воздухе стал различим дегтярный запах березовых дров.

Неожиданно сзади донесся мощный гудок, следом второй. – Неужели пароход?!

С надеждой обернувшись, путники ахнули – разве такое бывает?! Из-за поворота выворачивал, извергая из трубы черный дым, огромный сухогруз. На носу красовалась надпись «Арктика». Палуба почти сплошь заставлена пиломатериалом, ящиками, бочками. (Как позже они узнали, сухогруз вез по заявке «Дальстроя» лес, мазут в Усть-Янск и Русское Устье.)

– Слава тебе Господи! Услышал наши молитвы! – произнес потрясенный Корней.

Часто бая, судно обогнало путников и, сойдя с фарватера, направилось к пристани.

Мужики со всех ног бросились к берегу – такой шанс! Корней быстро бежать не мог, и Николай намного опередил его. Пока судно швартовалось, пока высаживали учительницу с детьми, пока выгружали пачки с учебниками и тетрадями для местной школы, он успел подбежать к судну в тот момент, когда прозвучала команда: «Принять трап, отдать швартовы!»

– Товарищи, стойте! Стойте! Возьмите нас! У нас лодку унесло!

– Посторонних брать запрещено.

– Ребята, вы последняя надежда! Выручайте!

– Погоди, капитана спрошу.

– Кто тут с нами прокатиться хочет? – пророкотал рослый с аккуратно стриженной бородкой мужчина в кителе с золочеными пуговицами.

– У нас лодку унесло. Возьмите, пожалуйста.

– Ба! Николай Александрович! Вы откуда?

– Петя?! Вот так встреча!

– Ребята, пропустите. Это мой учитель!

– Петя, я не один, с другом – вон он ковыляет. На протезе, не разгонишься.

– Федор, беги, возьми у деда рюкзак, видишь, совсем запыхался.

Через пять минут судно, отбив нос, вывернуло на фарватер.

Проведя бородачей через лабиринт приятно пахнувших смолой пачек соснового бруса и железных бочек, разместили в свободном кормовом кубрике. Крохотное помещение с двухъярусной койкой, прикрученной к полу, тумбочкой, рундуками, столиком с иссеченной ножами клеенкой показалось им царскими палатами.

Сняв куртку, Корней достал из нагрудного кармана иконку и долго благодарил Святого Николая за чудо-деяние. Затем принялся отбивать Господу земные поклоны за оказанную милость.

После тихоходной лодки Корнею показалось, что «Арктика» летит. Сухогруз действительно шел на максимальной скорости – капитан спешил. Надо было успеть до ледостава зайти в Яну, затем в Индигирку. Там разгрузиться, зазимовать, а в следующую навигацию идти во Владивосток.

В небе одна за другой с печальными, тоскливыми стонами тянулись на юг угловатые стаи журавлей. Капитан поглядывал на них с тревогой:

– Дружно пошли. Похоже, чуют морозы.

Характер растительности по берегам менялся. Макушки гор становились все плешивей, а среди деревьев стала преобладать лиственница, уже тронутая желтизной. Менялась и сама Лена. Ее ширина и мощь с каждым часом росли. Местами берега расходились так далеко, что деревья сливались в сплошную полосу.

На одном, открытом всем ветрам, взгорке чернела дремлющая в косых лучах вечернего солнца шатровая церковь с луковичной главкой. Подплыв ближе, разглядели рядом с ней несколько могильных срубиков с покосившимися крестами внутри. Очевидно, прежде тут было селение. Судя по могилам, староверов. Домов нет, а церковь все стоит...

Призывая на обед, пробила рында. Все собрались в кают-компанию. В буржуйке уютно потрескивали дрова. Кок разлил щи с тушенкой и раздал по четыре галеты. Корней, перед тем как сесть за стол, чуть слышно прочитал молитву и трижды перекрестился.

– Товарищ Корней, вы на советском пароходе, ваши молитвы здесь недопустимы, – произнес механик и посмотрел на капитана.

– Да, товарищ Корней, если вы не можете не молиться, молитесь у себя в кубрике, – поддержал тот.

* * *

Лес с каждым днем становился все жиже. Иные склоны почти голые. Вода потемнела, в ней уже не было летней живости. Волны, вяло накатываясь на берег, оставляли после себя по утрам на камешках тонкий слой льда.

Капитан понимал, что дойти до Индигирки уже вряд ли удастся. Надо постараться добраться хотя бы до Усть-Янска. Поэтому двигатели работали на полную мощность.

Утром 13 сентября на горизонте появился и стал быстро приближаться, грозно разрастаясь, вал мрачных, свинцовых туч. Солнце, словно олень на аркане, какое-то время билось среди них, но тучи поглотили его. Подгоняя эту армаду, засвистел ледяной кнут северного ветра и на «Арктику» хлынули потоки града. Крупные горошины громко застучали по судну, заглушая голоса людей. За несколько минут палубу укрыло слоем ледяной крупы. Ходить стало трудно – ноги разъезжались в разные стороны.

Температура падала. Град сменился обильным снегопадом. В густой белой мути пропали очертания берегов, и «Арктика» перешла на самый малый.

Более двух суток неистовствовала пурга. Снега навалило по колено. По Лене пошло льдистое сало. На третьи сутки прояснилось, снег прекратился, но мороз с каждым часом крепчал. Присыпанных снегом ледяных «блинов» становилось все больше. Местами они соединялись в сплошные поля. Забереги ширились, а лента подвижного льда становилась все уже.

Капитан и вся команда понимали, что дальше ситуация будет только ухудшаться. Петр Порфирьевич ворчал:

– Говорил, что не успеем дойти до ледостава. Так нет – приказали плыть...

– Что ж ты не убедил? Насколько помню, у тебя это всегда получалось, – удивился Николай Александрович.

– Да это я так, бурчу для порядка. Начальство тоже понять можно. Северянам на зиму позарез нужны уголь, мазут, стройматериалы. А судов не хватает. С голоду люди не помрут – рыба, оленина выручат, а котельную чем топить? Там же голая тундра, а иной дороги для завоза нет. Все по Лене – она здесь дорога жизни.

Капитан запросил по радиации разрешение на зимовку. В пароходстве знали, что Лена в устье встала, и дали согласие.

Зимовать на самом русле нельзя – весной, во время ледохода льды сомнут, раздавят. Следовало искать глубокий затон. Судя по лоции, впереди по курсу ничего подходящего не было. Единственный пригодный прошли вчера. Капитан экстренно собрал команду и, разъяснив ситуацию, приказал разворачиваться.

Судно, осторожно раздвигая молодые льдины, повернуло назад. На исходе дня пробилась в уже замерзшую заводь, обрамленную елями в белых ризах из навалившего снега. Прозвучала команда «стоп машина». В тишине загрохотала цепь спускаемого якоря и «Арктика» застыла на долгие восемь месяцев. В ту же ночь мороз спаял плывшие по реке ледяные поля в сплошной панцирь. Встали удачно: чуть ниже, справа, устье Бегюке. В ее среднем течении, судя по карте, имеется селение Саханджа.

До острова Столб, за которым собственно и начинается гигантская дельта Лены, отсюда было еще более двухсот километров.

Ночью Корнея разбудили глухие удары. Такие сильные, что судно вздрагивало. Он не сразу сообразил, что это по «Арктике» бьют резкие порывы ветра. Мелкий, как мука, снег проникал в кубрик сквозь невидимые глазу щелочки у иллюминатора. Под ним уже образовался маленький сугробик. Определив рукой, откуда дует, он достал из котомки свечку. Насухо протерев обшивку, размял воск и замазал им щелочки. Ветер не только намел снег, но и выстудил кубрик. Корнею с Географом пришлось надеть все теплое, что у них было.

Призывая экипаж в кают-компанию, забила рында. В ней, благодаря соседству с камбузом, было тепло. Когда все собрались, капитан попросил внимания:

– Товарищи, до вскрытия реки и возобновления навигации, в лучшем случае, восемь месяцев. Исходя из наличия мазута, необходимого, чтобы весной дойти до Тикси, мы можем отапливать лишь кают-компанию. Запасов продовольствия хватит на три месяца. Поэтому часть экипажа придется эвакуировать. Остающимся на зимовку переселяться сюда.

– Товарищ капитан, а кого оставляете?

– Останутся те, без кого весной сложно будет дойти до Тикси. Это в обязательном порядке: механик, моторист, боцман, радист и два матроса.

– А я? – заволновался кок.

– Вы тоже домой. Готовить будем по очереди.

– Петр, а как с нами?

– Николай Александрович, извините, но вас отправить не могу. На сухогрузы запрещено брать пассажиров. Если в пароходстве узнают, что я взял посторонних, у меня будут большие неприятности.

– Так мы только рады и готовы выполнять любую работу. Корней Елисеевич к тому же эвенкийский язык знает – это тоже может пригодиться.

– Вот и прекрасно!

В тот же день в Якутск начальнику Ленского пароходства ушла радиограмма с просьбой эвакуировать девять человек и доставить для зимовки остающимся две буржуйки, валенки, триста свечей, три лампы и тридцать литров керосина к ним. В дополнение к имеющимся запасам продовольствия два мешка муки, пару ящиков макарон, дрожжи, мешок сахара, соль, сушеный лук, чеснок, сухое молоко, яичный порошок.

Вечером поступил ответ: «Прошу подготовить посадочную полосу. Запрашиваемый груз доставим. Подлежащим эвакуации быть готовыми. Асхат Ильясов».

«О готовности посадочной полосы сообщим. Петр Мартынов», – радировал капитан.

Переждав очередную пургу, команда отправилась готовить полосу для самолета. На реке подобрали сравнительно прямой и ровный участок. Пурга оказалась благом – засыпала и уплотнила снег в ямах и трещинах. Нужно было только убрать два поперечных ропака³² и выровнять бугры. Вооружившись пилами, топорами, ломами, принялись за работу.

На следующий день мороз даванул так, что пароход сплошь укутало искрящейся на солнце бахромой. Казалось, будто надстройки, поручни, трубу, мачту, антенну – все выкрасили белой краской. Иней продолжал нарастать и к полудню стал раза в два толще.

Несмотря на стужу (сейчас она была только на пользу), люди кололи лед, засыпали снегом образовавшиеся выбоины, оттаскивали обломки в сторону. На третий день полоса была готова к приему самолета, но капитан решил подстраховаться. В очередной сеанс отстучали: «Готовы. Ждем через два дня».

Когда поступило подтверждение о вылете, посыпали полосу угольной пылью и, взглядываясь в синеву неба, столпились на ее краю. Донесся чуть слышный рокот двигателя, но самого

³² *Ропак* — нагромождения из смятых и вздыбленных льдин, а также льдины, стоящие ребром на сравнительно ровной ледяной поверхности.

самолета еще не видно. Наконец проступила черная точка. Она стремительно росла. Самолет из-за спаренных крыльев напоминал стрекозу. Совершив над полосой два контрольных круга, «Аннушка», выставив, словно пеликан, перед собой лыжи, приземлилась и, профырчав, замерла.

Как только последний человек поднялся в самолет, тот развернулся и, с ревом набирая скорость, взмыл в небесную синь. Разгрузка-погрузка прошли так стремительно (метеосводка обещала усиление ветра), что второпях забыли передать пакет с письмами для родных от тех, кто остался зимовать.

В дополнение к запрошенному получили свежий хлеб, бобины с киноплёнкой и последние газеты.

На следующий день дежуривший по камбузу моторист Ваня подошел к Петру Порфирьевичу с банкой в руках. Вид у него был крайне озадаченный.

– Товарищ капитан, тут такое дело... На обед боцман отписал мне две банки тушенки. В старой коробке оставалась одна, и я вскрыл новую, с надписью «Свинина тушеная». А там вот это, – моторист протянул банку с голубенькой этикеткой «Молоко сгущенное цельное». Открыл вторую – там то же самое. Остальные не стал вскрывать, пойдёмте вместе смотреть.

Петр Порфирьевич позвал боцмана. Зайдя в кладовку, они просмотрели все коробки. Тушенка была только в одной.

За ужином капитан «обрадовал» команду:

– Мужики, выяснилось, что у нас практически нет мяса. В коробках с надписью «тушенка» почти везде сгущенное молоко. А без мяса пережить зиму сложновато. Надо что-то придумать. Какие у кого предложения?

– Давайте прорубим лунки и будем рыбу ловить.

– А чем? Сетей-то у нас нет.

– На удочку.

– Ага, полдня лед долбить ради трех хвостов, – хмыкнул механик.

– В тайге зверье должно быть. Буду охотиться, что-нибудь всяко добуду, – подал голос Корней.

– Товарищи, ничего не надо исключать. Ни рыбалку, ни охоту. Один три хвоста, другой три хвоста – глядишь, на всех хватит. Не забывайте, впереди долгая зимовка. А на вас, Корней Елисеевич, у меня особая надежда.

Не откладывая дело в долгий ящик скитник в тот же день расщепил клиньями полутораметровую листовницу на широкие плашки. На следующий обтесал их, распарил, загнул носки, из двух ремней изготовил крепление.

Лыжи получились довольно крепкие, только немного тяжеловатые. Еще бы окамусовать, да пока нечем.

В первый же выход Корней подстрелил глухаря. Все обрадовались – живем! Но последующие вылазки оказались пустыми, хотя Корней каждый раз забирался все дальше и дальше. Дело было не в охотничьем фарте, а в полном отсутствии следов.

«Где же олени? – ломал голову скитник, – видимо, откочевали из-за обилия снега».

– Дядя Корней, надо идти в Саханджу, к эвенкам³³. Тамошные места богаты ягельником, а снега выпадает мало. На зиму все эвенки туда съезжаются. Это в среднем течении Бегюке, – посоветовал моторист Ваня, – у них стада большие, можно оленины выменять.

– Сколько туда ходу? – оживился Корней.

– Дня два, – подумав, добавил: – может, три.

³³ Эвенки — один из самых древних народов Восточной Сибири. Населяют огромную территорию от средней Оби до Охотского моря, от Северного Китая до Ледовитого океана.

- Товарищ капитан, думаю, стоит пойти. Эвенкийский я знаю – договорюсь.
- А нога не подведет?
- Не беспокойтесь, я ж на лыжах.
- Хорошо. Только с тобой еще двое пойдут, и надо будет пару волокуш из жести сделать.
- Не нужны ни люди, ни волокуши. Как узнают, что у нас спирт есть – сами все привезут, – вмешался в разговор Географ.
- Уверен?
- Гарантирую.
- Отлично! Я подготовлю список, что можем предложить в обмен. Желательно и меховой одежды у них раздобыть. Наши бушлаты все же холодноваты для здешней зимы.
- Это вряд ли – если только старую, поношенную. Свою не отдадут, а новую шить долго.
- Ну хотя бы два комплекта для уличных работ.

На второй день пути снега стало поменьше, и сразу запестрели следы зайцев, лунки от спален белых куропаток. Под кустами и сухими метелками растений причудливая топанина крестообразных следочков – места их кормежки. Одна большая стая – не меньше тридцати, заслышав скрип снега, с оглушительным треском выпорхнула, покрыв прогалину султанчиками «взрывов», и унеслась белыми хлопьями прочь.

Ветер тем временем пробил в сплошной пелене облаков окно, и солнечные лучи зажгли голые макушки лиственниц, словно свечи в храме. Озябшие клесты сразу весело затенькали.

Вскоре цепкий взгляд Корнея стал отмечать на сосенках обкусанные вершинки – глухариньи столовые. Под ними рыжеватые колбаски помета. Нижние ветки в снегу, а на макушках его нет: тяжелые птицы стряхнули. А вон и сами краснобровые, иссиня-черные петухи бродят.

Впереди появились путанные наброды оленей. На них кое-где бурые орешки.

Корней размял пальцами один. «Ого! Совсем свежий, даже не застыл! Потроплю-ка».

Следы вели в ольховник. Вон и табунок. Одни копытят ягель, другие отдыхают в промятых ямках-лежках. Судя по размерам – не домашние, те помельче. Рядом крутятся песцы: они пользуются тем, что олени, разгребая снег, облегчают им доступ к леммингам.

Стоявшая тишина и предательский скрип снега под лыжами помешали охоте. Чуткий вожак, хоркнув, бросился в глубину леса, увлекая за собой важенок. Теперь преследовать бессмысленно – не подпустят.

По берегам Бегюке заячьих следов особенно много. Их тропки исполосовали пойму и протоки вдоль и поперек. Попадались чуть ли не утрамбованные «дороги».

Полной неожиданностью для Корнея стало появление медвежьих следов. Они тянулись из-под елового выворотня. Упавшее дерево вырвало мускулистыми корнями большой пласт земли, и миша приспособил сложившийся шалашиком пласт под берлогу.

Опустившись на колени, путник заглянул во внутренность медвежьего жилища. Оно имело шарообразную форму, и было на удивление маленьким. Сухо, только в одном месте небольшой ледяной натек. Открытые боковины заложены ворохами сучьев, веток и завалены снегом. Похоже, и косолапая зима застала врасплох: не успев накопить достаточно жира, ушел искать, чем бы еще подкрепиться.

Встреча с голодным зверем ничего хорошего не сулила, но стремление обеспечить команду мясом пересилило здравый смысл. Корней осторожно заскользил вдоль следов, шедших прямо по оленьим.

Взрыхленный, обрызганный кровью снег посреди лога и приглаженный, в алых пятнах желоб, ведущий в буреломную чашу, поведал о том, что медведю удалось завалить одного из согжоев. Скрытно к зверю не подойти, а риск велик. Корней не стал испытывать судьбу – повернул обратно.

Долина, образованная проползшим в давние времена ледником, сужалась и вскоре превратилась в тесное ущелье, в котором Корнея встретили гигантские фигуры выветривания.

Стоят, словно стражи. С них красиво осыпается гонимый ветром снег. Казалось, это стекают молочные ручейки. Дальше ущелье расходилось, образуя просторный, защищенный от ветров цирк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.